

ДАМКЕ

**профессор
Аймермахер**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (АИРО-XXI)
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеши ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Danke,
профессор
Аймермахер

12 писем из России

Составители

Геннадий БОРДЮГОВ, Татьяна ГОРЯЕВА

Москва
АИРО-XXI
2008

*Художественное оформление, дизайн
Сергей Щербина*

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост.
Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 112 с.
ISBN 978-5-91022-088-5

В сборнике, посвященном 70-летию выдающегося немецкого учёного, российские друзья, ученики и коллеги рассказывают о его уникальных проектах, жизни и судьбе, вкладе в науку и образование России.

ISBN 978-5-91022-088-5

© АИРО-XXI, 2008

© Авторы, 2008

Содержание

<i>Письмо вступительное – Геннадия Бордюгова</i>	
НОВОЕ РАСПИСАНИЕ НА ЗАВТРА _____	7
<i>Письмо второе – Екатерины Гениевой</i>	
ВЫ ЗНАКОВАЯ ФИГУРА ВРЕМЕНИ _____	17
<i>Письмо третье – Татьяны Горяевой</i>	
ЧУДЕСА АЙМЕРМАХЕРА _____	28
<i>Письмо четвёртое – Наталии Томилиной и Михаила Прозуменищикова</i>	
ЖДЕМ СНОВА В НАШЕМ АРХИВЕ _____	50
<i>Письмо пятое – Александра Борозняка</i>	
КАРЛ АЙМЕРМАХЕР И ЛЕВ КОПЕЛЕВ _____	59
<i>Письмо шестое – Марии Орловой</i>	
ПРОДОЛЖАТЕЛЬ УНИКАЛЬНОГО ПРОЕКТА _____	69
<i>Письмо седьмое – Вениамина Смехова</i>	
К ЮБИЛЕЮ ПАПЫ КАРЛА АЙМЕРМАХЕРА _____	74
<i>Письмо восьмое – Бориса Соколова</i>	
ЗНАЧИМАЯ ФИГУРА В НЕМЕЦКО-РУССКОМ ДИАЛОГЕ _____	79

<i>Письмо девятое –</i> <i>Владимира Колязина</i> В ОБОДРЕНИЕ ДРУГУ ZUR AUFMUNTERUNG EINES FREUNDES _____	81
<i>Письмо десятое –</i> <i>Ирины Давидян</i> МОЯ СЕМИОТИКА КАРЛА _____	89
<i>Письмо одиннадцатое –</i> <i>Алана Касаева</i> ПАМЯТНИК БЕЗ ПОСТАМЕНТА _____	92
<i>Письмо последнее –</i> <i>Татьяны Филипповой</i> ЗАКЛИНАНИЕ, КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ НАС БЛИЖЕ _____	97
Сведения об авторах _____	106
Издания АИРО, вышедшие при участии или под редакцией профессора Карла Аймермахера _____	108

Рисунок Бориса Жутовского.

*Письмо вступительное –
Геннадия Бордюгова*

Новое расписание на завтра

Дорогой Карл, даже не верится, что всего пять лет назад наша Ассоциация выпустила сборник «Synopsis operandi профессора Аймермахера», который открывался такими словами: «Все мы каким-то образом зависим от обстоятельств жизни. Но есть среди нас такие, о которых мы говорим: независимый человек, оригинальный ум, сильный характер, поразительная целеустремлённость. Конечно, это не означает абсолютной свободы от настроения, от мнения близких и коллег, декана, ректора, министра, с которыми надо многое согласовывать, от разных правил и законов. И, тем не менее, им удаётся сохранить нечто такое, что позволяет вырваться из ряда рутинных привычек и условностей, из традиционных советов и оценок, следовать своему пути: создать своё направление в науке, свой институт, а ещё войти с уникальными проектами в новую Россию. Это вполне можно отнести к профессору Аймермахеру»*.

* См.: Synopsis operandi профессора Аймермахера. – М.: АИРО-XXI, 2002. В этом издании читатель может также найти списки избранных трудов Карла Аймермахера, научных форумов и исследовательских проектов, осуществлённых под его руководством.

В год 70-летия со дня рождения уместно вспомнить о некоторых фактах твоей личной и интеллектуальной биографии. Будучи студентом, ты принял решение переехать из ГДР, Восточного Берлина в Западный Берлин и начать изучение современной советской литературы в Свободном университете. Твоими учителями становятся выдающиеся слависты – Макс Фасмер и Валентин Кипарский, Юрий Штридтер и Дмитрий Чижевский. В середине 1960-х годов ты получил место доцента в университете в Констанце, где издал труды Владимира Проппа и Виктора Жирмунского, открыл для себя Юрия Лотмана, Владимира Топорова, создал первую библиографию по семиотике. Придерживаясь точки зрения о том, что

семиотический подход приложим не только к литературоведению или лингвистике, но и к искусствоведению, ты написал книгу о Вадиме Сидуре и сделал его и других художников неофициального искусства широко известными в Германии.

1977 год ознаменовался твоим переездом в Бохум и занятием профессорской кафедры в Рурском университете. Здесь по твоей инициативе создаётся Институт русской и советской культуры, которому в 1993 году было присвоено имя Юрия Лотмана. Если взять отчёт о деятельности института, выпущенный под занавес XX века, то можно узнать, что сотрудниками института был создан уникальный банк данных по истории русской и советской культуры, опубликовано около 90 томов дайджестов по культуре совместно с Российской национальной библиотекой, осуществлена пятилетняя «Бохумская модель» по переподготовке российских германистов, проведены многочисленные конференции по перестройке высшего образования в России.

В начале 90-х годов ты вместе с коллегами из РГГУ придумываешь и проектируешь создание Института европейских культур. Концепция ИЕК, в частности, обосновывалась посредством научно-политического вопроса: каким образом филологи могут изменить наше обхождение с объектами культуры, чтобы интерпретировать не только её поверхностные феномены, но также прояснять её глубинные структурные предпосылки?

В Москве ты также приступил к изданию строго документальных монографических исследований, сборников документов и книг по истории цензуры, отно-

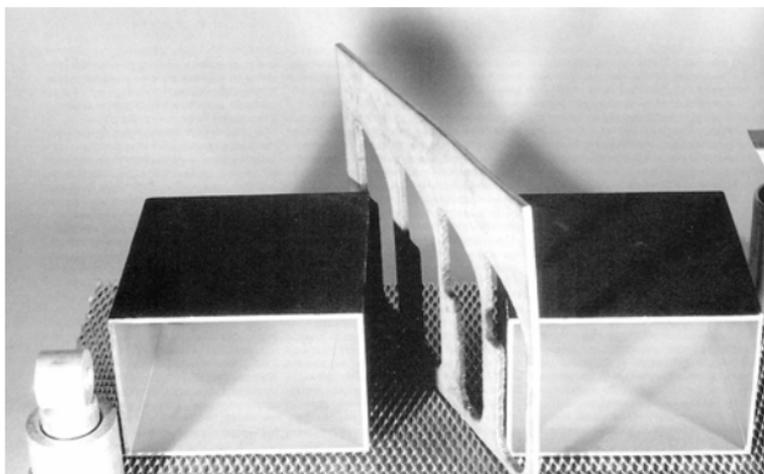
шений культуры и власти от Сталина до Горбачёва. Теперь в этой серии чуть ли не ежегодно выходят тома по истории советского кино, сборники о работе различных органов ЦК КПСС, а также схемы структур советских и партийных учреждений, занимавшихся культурной политикой, их эволюция в разные периоды, руководящий состав и пр.

Столь разнообразная и масштабная деятельность способна не только удивлять, она воспринимается как фактор развития устоявшихся и поиска новых форм связей, коммуникации учёных России, Германии, Европы.

Известно, что история как наука рациональной реконструкции ищет ответы на вопросы, связанные с причинами происшедшего, извлекает из этого уроки. Литература и искусство занимаются основами ценностных систем. Их средства выразительности и особые способы изображения нацелены на душевное потрясение читателя или зрителя. Тогда и становится понятным, как взаимодействуют в сознании личные переживания и историческое знание, как запускаются общекультурные процессы самосознания. Не случайно в одном интервью ты сказал: «Если бы мог, я оставил бы науку и перешёл целиком к искусству. Почему? Только искусство может повысить наши возможности, чтобы решить какие-то вещи, которые логическим способом мы не можем решить».

Поэтому параллельно с работой над Вуппертальским проектом Льва Копелева ты совершал способами искусства «Экскурсии в XX век» (так называется цикл скульптурных композиций), в незаживающее прошлое. Сквозная линия твоих произведений – по-

давяющее торжество иррациональной механистичности над живым миром человека, а ключ к пониманию твоего увлечения в словах Пауля Клее: «Задача искусства не в том, чтобы показывать видимое, а в том, чтобы делать видимым». Но что значит делать видимым? Для тебя, по интересным наблюдениям философа и искусствоведа Евгения Барабанова, видеть и делать видимым — это, прежде всего, обращаться к содержаниям, ускользающим из актуального поля сознания. Ускользающим не столько по причине их незначительности, сколько, напротив, в силу их неместимости нашим сознанием. Неместимости либо травматической, либо — таковы логика и порядок идеологий — избыточной.

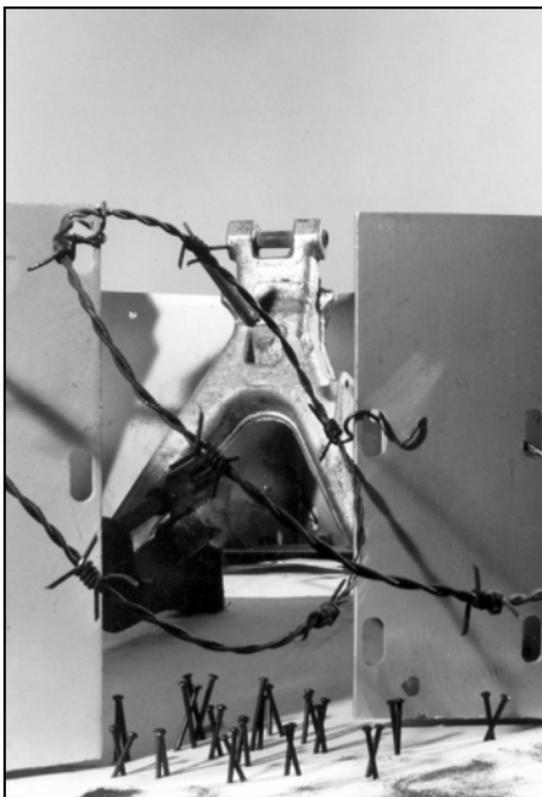

Из серии «Эксперсии в XX век» / Разделенный мир III (Мирное сосуществование).

Ты действительно встревожен вытеснением тех трагических трансформаций, с которыми сжилась наша

повседневность, для тебя такое вытеснение в значительной мере обусловлено избыточным информационным потоком, который как будто необратимо лишил нас эмоциональных реакций на происходящее. Своими скульптурами-объектами, своими ассамбляжами ты не предлагаешь готовых ответов, тем более, моралистических. Но вновь и вновь, формулируя неудобные вопросы, ты даёшь возможность попытаться найти собственные ответы на них.

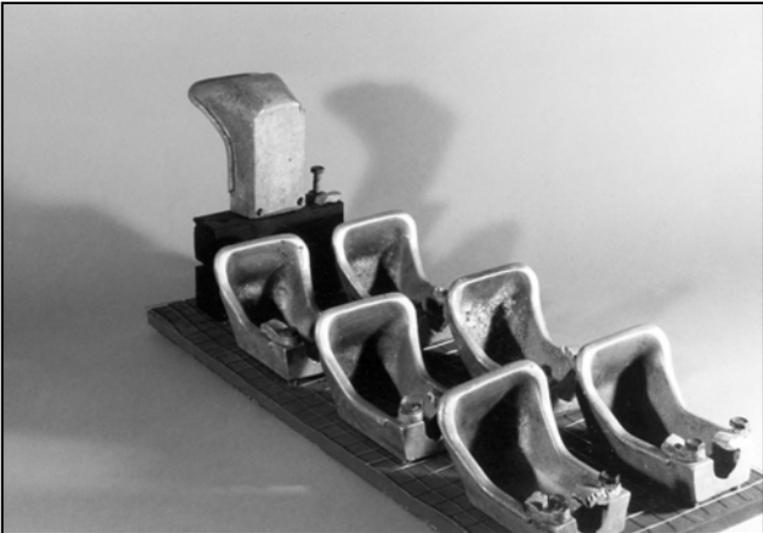
Фрагмент из объекта «Лобное место», 2000 г.

Фрагмент из объекта «Война», 2000 г.

«Катынь», 2000 г.

Фрагмент из объекта «Холокост», 2000 г.

Пять лет назад, в день присвоения тебе звания Почётного Доктора АИРО, я рассказал о твоём расписании на завтра. Самое удивительное, что оно не просто выполнено, а перевыполнено.

Вышел тысячестраничный том твоей 15-летней переписки с Вадимом Сидуром «О деталях поговорим при свидании» (составитель В. Воловников).

Редактируемая тобой документальная серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва» пополнилась новыми архивными сборниками.

В 2004 году увидела свет твоя книга «От единства к многообразию. Разыскания в области «другого» искусства 1960-х – 1980-х годов».

Наконец, в прошлом году завершился проект, которому ты посвятил почти десять лет работы – под твоей редакцией издан на немецком языке фундаментальный трёхтомник «Россия и Германия. XX век».

Благодаря твоим усилиям продолжилась программа «Аспирантских коллегий», позволившая встречаться талантливым молодым учёным из разных стран Европы. Ты был активным участником проектов, конференций, встреч, проходящих в рамках «Петербургского диалога».

Знаю, что и в твоём новом расписании на ближайшие годы на первом месте – продолжение скульптурных серий «Экскурсии в XX век» и «Видения XXI века», в которых Россия и её история среди главных героев. Твоими усилиями и заботами трёхтомник «Россия и Германия. XX век», судя по всему, появится и на русском языке. Трудно представить, как ты распорядишься многочисленными приглашениями научных и университетских центров Самары, Липецка, Екатеринбурга, Волгограда, Калининграда, Санкт-Петербурга, Москвы и даже Тбилиси...

Осмысливая XX век, историю отношений России и Германии, ты неоднократно подчёркивал, что разви-

тие культуры и общества приходит в движение тогда, когда выдающиеся личности попадают в исторически напряжённые кризисные ситуации, что дополнительно стимулирует их креативную деятельность. При этом речь идёт о личностях, чья духовная самостоятельность использует специфическое напряжение между ними и обществом как поверхность для трения, в процессе которого ставятся под вопрос унаследованные истины, и воскрешается чувство общественно-политической ответственности. Такие личности обычно противостоят приспособленцам, не испытывающим угрызений совести оппортунистам и тем, кто держит нос по ветру. Таким людям нередко в течение многих лет приходится получать чувствительные удары в форме преследований, презрения и унижений, и которые много раз шли на риск ради правды. Если при этом речь идёт ещё и об учёных, которые параллельно своей первопроходческой работе ещё и обогатили культуру и внесли свой вклад в самопознание человечества, то именно и, прежде всего, они заслуживают нашего особого уважения.

Сегодня эти слова мне хотелось бы адресовать именно самому тебе. И добавить к ним нашу сердечную благодарность.

Вы знаковая фигура времени

Дорогой Карл,
Взамен торжественного адреса, подобающего столь значительному юбилею, я решила написать Вам это, в основном, личное письмо и в первых его строках признаться, что очень благодарна судьбе, которая нас познакомила и сдружила.

Как Вы, верно, помните, мы встретились у Вольфганга Айхведе, но я еще раньше знала от нашего общего друга Льва Копелева, как много делает профессор Аймермахер для наведения мостов между нашими странами и до чего же с ним приятно работать и общаться. И в том, и в другом я убедилась, когда Вы пригласили меня на один из Ваших семинаров в Бохуме. Тогда Вы поразили меня широтой охвата исторических, а не только литературных, реалий и глубиной понимания современной ситуации в России и мире.

Я просто диву давалась – проекты рождаются у Вас в голове и на кончиках пальцев со скоростью молнии. Удивительней же всего для меня было то, что они не оставались на бумаге, но воплощались в реальность, о чем говорят десятки книг, опубликованных Вами в Германии и России. Я рада, что одна из лучших –

Ваша удивительная, завораживающая, мудрая и легкая одновременно многолетняя переписка с Вадимом Сидуром – вышла в издательстве РОССПЭН: значит, к осуществлению *этого* Вашего проекта приложил руку мой родственник, директор издательства Андрей Сорокин.

Для меня, дорогой Карл, Вы знаковая фигура времени. Вашу роль в уничтожении образа врага, этого злого наследия в отношениях русских и немцев, я приравниваю к тому, что делает граф Ламбсдорф и делал Лев Копелев. Для меня вдвойне ценно и важно, что Вы взвалили на себя тяжкий, но благодарный груз, взявшись за продолжение большой работы моего старого друга Копелева – исследования русско-не-

мецких отношений в перспективе времени и меняющегося национального характера.

Меня всегда восхищали, дорогой Карл, присущее Вам замечательное чувство юмора, Ваше умение общаться с людьми легко и раскованно, ни на йоту не поступаясь при этом собственными убеждениями. Я по-доброму завидую Вашей проницательности, ведь это она еще в старорежимные – для нас, русских – времена, вероятно, позволила Вам оценить и открыть Германии наших выдающихся ученых – Ю. Лотмана, В. Топорова, Б. Успенского, Е. Мелетинского, В.В. Иванова. Кстати, поспособствовав их мировому признанию, Вы невольно послужили и моей Библиотеке иностранной литературы, за что я Вам опять же признательна: Вячеслав Всеволодович несколько лет возглавлял ВГБИЛ, а Елеазар Моисеевич состоял в ее Ученом совете.

Мне жаль, что мы редко видимся, зато каждая встреча с Вами всегда радость, поскольку в ней не бывает ничего формального. Я дорожу тем, что мы встречаемся как в старые добрые друзья за чашкой душистого чая.

Дай Бог нам видеться чаще.
Ваша, Екатерина Гениева

* * *

В мае 2001 г. в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы состоялась Международная конференция «Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков». Её организаторами выступили ВГБИЛ в лице Е.Ю. Гениевой, Московское Бюро Фонда Фридриха Науманна во главе с Фальком Бомсдорфом и АИРО.

Не ограничиваясь рамками чисто научных задач, этот форум ведущих российских и германских историков, философов и политологов вылился в свободный форум мнений и позиций. В общественной дискуссии приняли участие представители разных поколений: участники Второй мировой войны, представители политических партий и движений, авторы учебников истории, писатели и журналисты.

Президиум конференции. Слева направо: Манфред Бирвиш, Виталий Третьяков, Эрнст-Йорг фон Штудниц, Фальк Бомсдорф, Геннадий Бордюгов, Карл Аймермахер, Ханс Моммзен.

В рамках конференции во ВГБИЛ состоялась выставка художественных работ Карла Аймермахера «Красные носки».

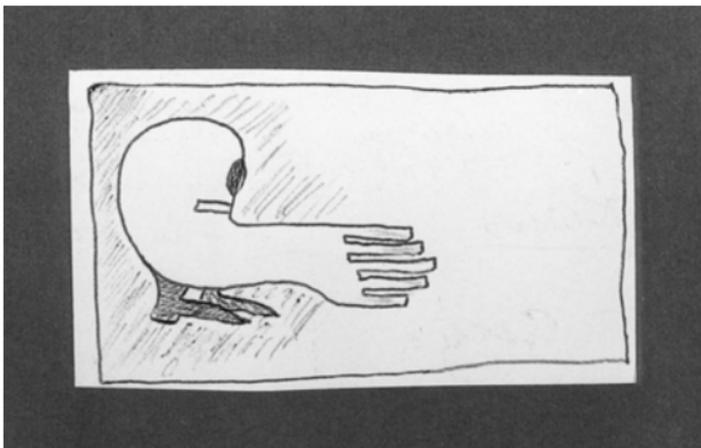
О ней рассказывает супруга Карла Гизела РИФФ:

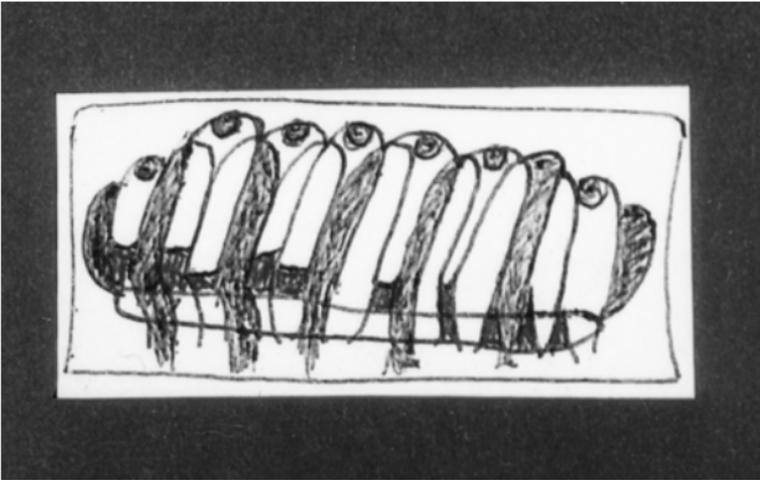
Карл Аймермахер назвал серию этих зарисовок своим личным вкладом, посвященным дню Объединения Германии. Итак, подвиньтесь поближе, наденьте очки, так как рисунки частично очень мелкие, кроме того, под каждым рисунком стоит машинописный комментарий. Посмотрев несколько рисунков, станет ясно, что все они содержат повторяющиеся элементы, что позволяет объединить все эти разные зарисовки в серию. С одной стороны, это происходит благодаря порядковым номерам, хотя логическая последовательность при этом не всегда соблюдена, с другой стороны, благодаря противопоставлению: до перемен – после перемен. Под каждым рисунком стоит подпись «До того» или «После того», исключение составляет один единственный рисунок. В тексте под ним речь идет о красном носке у Стены. И вообще, речь все время идет о красных носках. Красные носки изображаются в качестве хладнокровных агитаторов и пылких подстрекателей, их глупых невест, жен и невинных деток. Доверчивые жертвы-преступники, аппаратчики, загорающие на болгарском пляже, ах нет, извините, вот именно, что не на болгарском, это ведь было каждому доступно, а на югославском пляже.

Разглядывая тот или иной рисунок, тебе предоставляется возможность поговорить с тем или иным знакомым, «ха-ха, посмотри-ка на этого, где-

то я его уже видел...». Вначале ты чувствуешь какое-то беспокойство среди гостей, ведь, в конце концов, все прекрасно знают, в чем дело. Многие, если сами не носили какое-то время красные носки, то имели, во всяком случае, контакт с ними. Многим они угрожали, многих унижали или калечили жизнь. Некоторые чувствуют их присутствие еще сегодня. За всем этим чувствуется человеческое или даже слишком человеческое, изображены же лишь химеры, типы, нарисованные штрихами диковинные существа. Может быть, эти существа мутанты, или они просто плохо нарисованы? Все они какие-то испорченные, странные, согнутые, изуродованные. Да это просто каракули на гостиничном счете и пивных крышках. И все время повторяется: до того/после того, красный носок, агитатор. Все изображены или намеренно плохо или ненамеренно хорошо. Давайте же спросим самого художника.

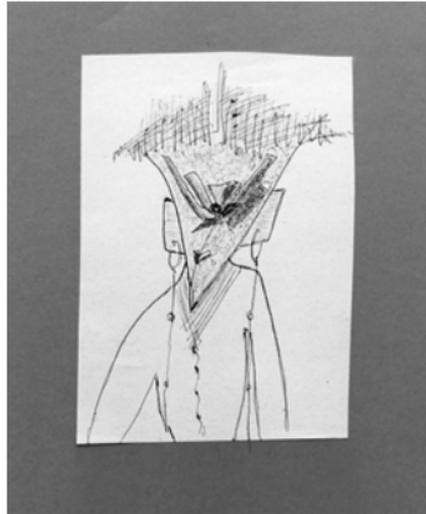
Попытка примирения.

Связка товарищей.

Агитатор – Главный идеолог.

– Кто бы мог подумать! Это очень занятый ученый, языковед, литературовед и историк, славист, интересующийся теоретическими вопросами

культуры. И вдруг он выставляет подобные зарисовки. Мы, конечно, знали, что ты интересуешься культурой, но не знали, что ты сам рисуешь.

– Да, я рисую уже давно, даже очень давно.

– Ты что, пытаешься вмешаться в предвыборную борьбу, разоблачаешь беспринципных оппортунистов и красные носки?

– Нет, конечно.

– Хочешь своими рисунками «бить лежачего»?

– Не собирался.

– Хочешь стать ангелом-мстителем?

– И в мыслях не приходило.

– Как известно, ты выходец из Восточного Берлина и попал в 50-е годы в Западный в качестве беженца.

– Не в качестве беженца, я переселился.

– Для этого у тебя были, конечно же, причины.

– Да, конечно.

– Правда, что ты после перемен участвовал в «переструктурировании»?

– Да, а именно по желанию Совета по науке. В этом я не вижу ничего недостойного, хотя некоторые люди и называли меня за спиной «строгий комиссар», и пытались очернить меня доносами во многих инстанциях. Я вмешивался, это правда. Правда также то, что я почти четыре года работал на общественных началах в различных комитетах и должен был принимать участие в нелегких решениях.

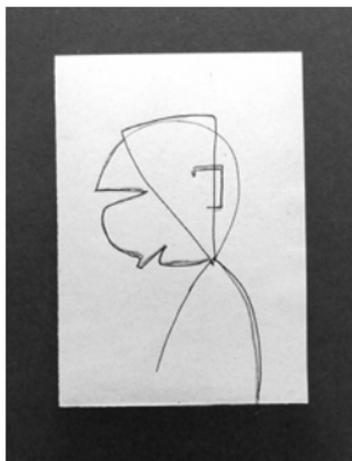
– Доставляло ли тебе общение с красными носками удовольствие?

– Нет. Они нагоняли на меня страх и угрожали мне. Только теперь, когда я их вам представляю,

я дистанцируюсь от них и нахожу их курьезными. Но удовольствие? Нет. Сначала я думал, что я могу этими фигурками забавляться, пока не заметил, что это они забавляются мной. Я был в их руках. Они навязывали мне свой мир, свои мнения, свои представления, свою мораль, свои лозунги.

Агитаторша: «Я полностью поддерживаю идеологию».

«Ну хорошо, сделаем вид, будто бы... Чтобы не страдать, нам нужно просто быть прагматичными».

В ходе последних 44 лет Карл Аймермахер делал себе во время заседаний, пауз, у телефона и позже в поезде, когда возвращался домой, стенографические записи о содержании бесед. Иногда при этом из-под его пера выходили опубликованные здесь маленькие монстры, изрекающие, например, «я всегда в это верил», или «Мы вертели и вертим колесо истории». Совещания длились многие годы. Маленьких монстров и их изречений становилось все больше: «Лучше быть красным носком, чем коричневой рубашкой»,

«Этого разговора никогда не было», «Я ничего не знал», «Да здравствует международная солидарность». Когда их набралось несколько сотен, он запер их в картонную коробку. А потом Карл Аймермахер сделал то, чем он занимался со студенческой скамьи. Чтобы разобраться со сложным предметом исследования, он сначала собирал материал. Затем этот материал просматривался, отбирался, сортировался по определенным критериям и только после этого подвергался основательному анализу.

Агитатор — Главный идеолог.

Агитатор: «Я уверен, что вы все поняли».

«Документы и анализы» – так называется серия научных работ, за выход которой он отвечает, иногда как издатель, иногда как автор. То, как он поступил с содержимым картонной коробки, напоминает, естественно, его профессиональный подход к делу: просмотреть, отобрать, пронумеровать, оза-

главить. Здесь, однако, сравнение заканчивается, так как просматривал он по желанию, отбирал по субъективным критериям, считая при этом, что безобразность и избыточность, например, больше подходят к теме, чем красота и исключительность. Нумерация произвольна и заменима, частично это касается и текстов. До научного анализа дело не дошло, так как с этим понятием он обходится осторожно и экономно и не хочет, чтобы оно стало «обыденным».

Итак, серия в конечном итоге все же получилась. С ее помощью он справился с этими навязчивыми «товарищами». На этом для него эта тема закончена.

Карл Аймермахер и Гизела Рифф.

Чудеса Аймермахера

Дорогой Карл, я часто рассказываю своим друзьям и коллегам эту историю, и готова рассказывать её всю жизнь. Именно поэтому мой рассказ приобретает несколько мифологическую окраску. Но это – чистая правда.

Однажды в моей квартире на улице Волгина раздался телефонный звонок. В трубке раздался далекий голос с легким иностранным акцентом.

– Это вы Татьяна Горяева!

– Да, я.

– Меня зовут Карл. Я из Германии. Мне сказали, что Вам надо помочь.

– (Пауза).

– Ну, мне сказали, что Вы не можете издать книгу о цензуре. Это так?

– Да.

– Я хочу вам помочь.

– (Пауза).

– Через неделю я буду в Москве, и хотел бы с Вами встретиться. Приносите рукопись.

Это было начало осени 1994 года. И я, в то время преподаватель Историко-архивного института, вме-

сте со своими учениками, студентами моего спецкурса, собрала первый, и теперь я понимаю, очень скромный сборник статей и публикаций. Но тогда мы были увлечены этой темой, которая никого не могла оставить равнодушной, и по мере работы над материалами, круг авторов рос как снежный ком, обрастая все новыми сюжетами и героями. Настало время, когда я почувствовала ответственность не только за рукопись, которая своей новизной и даже сенсационностью просто рвалась на страницы книги, но и перед своими учениками и другими авторами, внимательно следившими за моими дальнейшими действиями. Ни опыта, ни связей не было. Издательский мир переживал в России серьезный кризис, приобретая вместе со свободой и самостоятельностью, все признаки бизнеса. То есть, если раньше нужно было втиснуться в план государственного издательства, то теперь нужны были деньги. Вот именно тогда я и приобрела первый опыт поиска средств для научного издания. Не надо долго объяснять, каким был этот опыт. Конечно, отрицательным. И вот когда уже многие пути были пройдены, а посещение знакомых и полужнакомых, еще только начинавших разворачиваться, бизнесменов заканчивались обещаниями рассмотреть наши «коммерческие предложения», появился Карл Аймермахер.

Впервые мы увиделись с тобой, Карл, в Государственном литературном музее на Петровке, где праздновался первый юбилей журнала НЛЮ. В Москве было еще тепло, но дождливо и пасмурно. В тесном вестибюле музея состоялся самый первый наш разговор, и приглашение приехать на встречу в квартиру Юлии Сидур, что у Киевского вокзала.

Карл Аймермахер и Татьяна Горяева.

Я не преувеличиваю, и могу твердо сказать, что именно с этого дня моя жизнь, а также и жизнь очень многих моих знакомых и коллег изменилась и стала развиваться по какому-то другому сценарию. На многие годы квартира Юлии Сидур на Киевской в Москве и Институт русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана в Бохуме стали важной частью моей жизни. И это произошло потому, что очень многие, и не только рабочие, события и проблемы наших, как теперь принято говорить, «непростых 90-х» теперь решались с помощью тогда нам еще не очень понятного немецкого профессора. Мы не понимали, что привычка приходить на помощь, оказывать любую поддержку в работе и жизни – это, наверное, главная особенность Карла. На тот период кризис в научной жизни в России был налицо. Каждый выживал по-одиночке. Скорее не выживал, а завершал свою науч-

ную карьеру. Система государственного заказа приказала долго жить, а выжить можно было только двумя способами: уйти из профессии или, имея больше пяти подработок, постепенно снижать уровень своего главного призвания.

Именно ты, Карл, преподавал мне важнейшие уроки организации научных работ и научных учреждений. Этих уроков много, но назову только десять самых главных. Десять заповедей Карла Аймермахера.

Первое. Тема научного исследования или программы должны быть, с одной стороны, глобальной и многоаспектной, а, с другой стороны, иметь реальные границы и сроки исполнения.

Второе. Команда должна быть малочисленной, работоспособной и надежной.

Третье. Исполнительская дисциплина в коллективе – основа научного сотрудничества и перспектива этого коллектива, постоянного или временного.

Четвертое. Участников проекта должны связывать не только деловые отношения. Взаимопомощь и понимание.

Пятое. Руководитель должен выполнять всю работу и обеспечивать её жизнедеятельность. Получение финансирования, планирование и организация, текущая отчетность, финансовая дисциплина, анализ и обобщение результатов, новый поиск финансирования издания научных результатов, распространение изданий, информирование научного сообщества об итогах проекта и прочее и прочее. И так без конца.

Шестое. Иметь борцовские качества, помогающие противостоять всем внешним факторам, мешающим работе коллектива.

Карл Аймермахер, Арлен Блюм и Татьяна Горяева.

Седьмое. Выстраивать деловые и дружеские контакты со всеми, от кого зависят перспективы развития коллектива.

Восьмое. Уметь видеть во всем позитивное начало; быть опорой для своих коллег.

Девятое. Не быть «флюсом». Вести сразу несколько работ и при необходимости переключаться на другую деятельность, например, рисовать, выражать свои мысли посредством искусства, литературного творчества.

Десятое. Уметь радоваться успехам и устраивать общие праздники.

Итак, наша книга была завершена и напечатана в Белоруссии в Минске. Когда я везла рукопись в поезде Москва–Минск, то ощущение необъяснимого предчувствия не покидало меня. Но нам пришлось рискнуть, потому что цены в Москве на издание были значительно выше, чем мог выделить из своего гранта Карл.

Это отдельная история, имеющая отчасти детективно-криминальный оттенок в духе российского авантюризма середины 1990-х гг. Краткая история появления в печати очень популярного впоследствии издания «Исключить всякие упоминания...» такова: деньги, которые были переданы издателям, тайно исчезли вместе с одним из партнеров; типография, которая находилась в Минске, отказывалась без оплаты работ возвращать тираж в Москву; после вмешательства некоторых чиновников из Москвы с огромным опозданием книга вместе со школьными учебниками выехала на машине из Минска, но... в Москву не прибыла. Только через несколько дней, как потом выяснилось, застрявшая где-то посреди российско-белорусских степей и сломавшаяся от декабрьских морозов машина с обмороженными водителями подрулила к зданию РГГУ на ул. Чайнова. Казалось бы, все позади. Но не тут-то было! Нам бы не извлечь уроки?! Однако сессия, новые заботы и привычка доверять (не самая худшая) продолжили неописуемые приключения первой книги о советской цензуре в России. Возникший вдруг «распространитель» исчез вместе с тиражом и выручкой на просторах России. Мистика Цензуры! Утешалась я и утешала Карла именно тем, что коммерческий интерес «распространителя» привел, в конечном счете, к желаемому: книга все-таки дошла до читателя. И хотя гонорары в этот раз авторы не получили, главный урок был получен: сам пишешь, сам издаешь и сам распространяешь. Карл был почти доволен.

А потом начался знаменитый Бохумский проект...

Концепция и организационные основы совместного немецко-российского проекта изначально фор-

мировались с учетом знания российских архивов и были направлены, прежде всего, на максимальное привлечение к этой работе непосредственно сотрудников федеральных архивов. Создание межархивных проектных групп стали определенным прорывом в современной архивной практике и возвратом к прошлому, но на другой основе и в ином качестве, что требует специального разъяснения читателям моего письма.

Дело в том, что происшедшие в России и в российской архивной службе изменения резко изменили атмосферу и систему отношений между архивами. Тоталитарный тип советского государства сформировал сильно централизованную, объединенную едиными принципами и методами хранения и использования архивных документов. Это единство унифицировало и планировало практически все виды архивного ремесла – от комплектования, создания научно-справочного аппарата до подготовки документальных публикаций, похожих друг на друга как близнецы-братья (знаменитые серийные документальные издания 1970-х-80-х гг. по индустриализации, коллективизации и культурному строительству в СССР, тома которых отличались друг от друга только тем, что практически идентичные документы, помещенные в них, демонстрировали одни и те же процессы в различных советских республиках и регионах). Этот бюрократизированный механизм, в котором все было заранее зарегламентировано, существенно облегчал управленческие операции: централизация и унификация системы позволяли оперативно иметь все сведения о составе и содержании хранящихся доку-

ментов вплоть до областного и городского архива; в плановом порядке и по команде Главархива проводились научно-исследовательские и публикационные работы.

Демократизация всей общественной жизни, относительная самостоятельность, пришедшая в архивы в конце 1980-х и, особенно, в начале 1990-х годов, наконец, недостаточное финансирование архивов – все эти факторы привели к центробежным процессам в архивной системе, своеобразной обратной стороне медали излишней централизации. Каждый архив стал выживать сам по себе, устанавливая свои собственные правила взаимоотношений с архивным руководством и с исследователями, ставя на первое место коммерческие интересы. Такое положение создало неблагоприятные условия для проведения фундаментальных исследований, требующих совместных коллективных усилий, предопределило появление конъюнктурных исследований и публикаций.

Начатые практически в этот период переговоры и заключение рамочного соглашения между Институтом русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана и Росархивом создавали уникальную возможность организации межархивного научного коллектива под руководством квалифицированных специалистов и экспертов¹. Такое разумное сочетание теоретико-исторических знаний с практическими навыками российских архивистов, в данном случае ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ и РГАНИ, помогли получить в качестве ре-

1. Руководители проекта К. Аймермахер, К. Вашик, координатор Т.Ф. Павлова.

зультата высоко информативный продукт – информационную базу данных, которая получила в дальнейшем фундаментальное развитие.

Основной целью научного проекта «Структура, формы и механизмы советской культурной политики 1917–1940 гг. (документация и научный анализ)»² и его предметом являлось воссоздание культурной и идеологической политики РСФСР и СССР в период с 1917 г. по 1940 г.

В понятие культурной политики в условиях становления и функционирования государства тоталитарного типа мы включали деятельность партийно-государственных органов, предполагающих формирование основанных на идеологических канонах концептуальных представлений о месте и роли культуры в жизни общества, о должном состоянии культурной (художественной) жизни, определение приоритетных целей и направлений культуры, ограничение, запрет или, напротив, поддержка в различных формах и проявлениях (идеологическая, моральная, материальная, финансовая и пр.) определенных направлений, творческих коллективов, отдельных представителей культуры, деятельность и творчество которых совпадает или не противоречит официальной доктрине.

Изначально было понятно, что даже тотальное выявление в профильных фондах не даст желаемого результата и превратит работу в бессистемное и ру-

2. О проекте см.: *Горяева Т.М.* Новый научно-исследовательский проект // Отечественные архивы. 1997. №5. С.119–120; *Павлова Т.Ф.* Обсуждение научного проекта // Отечественные архивы. 1998. №1. С.115–117.

тинное, правда, привычное для архивистов, перелистывание тысяч дел с заполнением тематических карточек. В конечном результате получится мозаичный по отношению ко всему необозримому и многомерному прошлому советской культуры 1920-х – 30-х гг. продукт. Вот почему изначально была заявлена в качестве основного условия концентрация исследования по определённым областям культуры, по организационно-административной структуре культурной и идеологической политики, по статусу (значимости) выявленных мер и мероприятий, по событийному ряду, по хронологии и другим признакам. Для этого необходима была предварительная подготовка исполнителей (изучение литературы и опубликованной источниковой базы, справочно-информационных изданий и СНСА архивов), а также глубокая специализация руководителей подпроектов.

Цель подпроекта «Органиграмма идеологической и культурной политики» – разработка общих и локальных схем-структур высшего политического и государственного руководства культурой на основе госучрежденческого анализа общего информационного массива. Такая фундаментальная постановка проблемы, позволяющая в дальнейшем разрабатывать и выстраивать научные концепции с учетом четких представлений механизма власти, очень близка отечественной исследовательской школе, использующей методы смежных наук и научных дисциплин – источниковедения, архивоведения, истории государственных учреждений. Госучрежденческий подход (принцип происхождения – «провениенц-принцип»), базирующийся на традициях российских и европей-

ских архивистов, в частности, немецких, характерен также для классификации и системы организации хранения архивных документов. Недаром каждый из исполнителей подпроекта «Органиграмма» начинал свою работу с того, что обращался к таким знакомым со студенческой скамьи учебникам Н.П. Ерошкина и Т.П. Коржихиной.

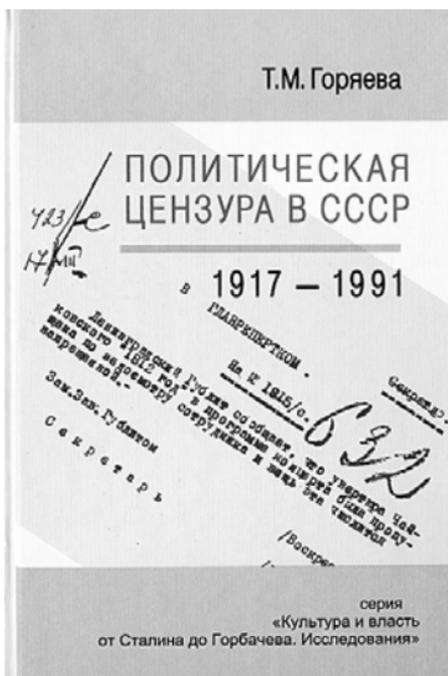
Во-первых, впервые появилась возможность столь подробно представить систему партийно-государственного управления культурой за значительный период истории страны. Мы знали о раздутости аппарата и власти номенклатуры, но так доказательно продемонстрировать это удалось впервые: как рос и множился механизм власти, как в утробе его звеньев зарождались, развивались и отпочковывались в самостоятель-

ные структуры все новые главки и комитеты. От утопических идей отмирания государства, ликвидации денег и власти кухарок на руинах разрушенной Империи до гигантского, не знающего аналогов, управленческого аппарата новой сталинской Империи.

Второе. Еще меньше были наши представления о людях (кроме самого высокого уровня), определяющих стратегию и тактику управления культурой и идеологией, находящихся на руководящих постах в партии и госаппарате. «Очеловечивание» организмом путем восстановления исчерпывающей кадровой картины среднего звена управления создает определенную виртуальную реальность, когда знание послужных биографий, порой трагических, как бы вызывает из прошлого несколько поколений советской бюрократии, прошедшей тернистый путь карьеры «по-советски» – «лестницы, ведущей вниз».

Третье. В масштабе такого фундаментального исследования впервые столь наглядно демонстрируется, как осуществлялась связь между высшими органами политического и государственного управления, а в дальнейшем и общественными организациями – творческими союзами типа Союза Советских писателей.

Наконец, четвертое. Впервые были документально воссозданы структуры Агитпропа ЦК ВКП(б), Совнаркома РСФСР и СССР (в части управления культурой), Наркомпроса, КПДИ СССР, самостоятельных отраслевых систем – Госиздата, кинематографа, радиовещания, цензуры и пр. Параллельным результатом можно считать выявленные некоторые пробелы в комплектовании ряда ключевых фондов.

По выработанной методике еще до ввода информации в базу данных для анализа и создания организграмм была проведена систематизация всего массива рабочих листов фактографии (около 3 тыс. рабочих листов) и определены все элементы системы управления, т. е. учреждения, деятельность которых удалось проследить в хронологической последовательности. Наиболее ценные документы – постановления, положения, уставы, организационно-распорядительные документы по структуре, а также источники, в которых нашли отражение вопросы выработки идеологических основ культурной политики – в виде полнотекстовых копий вошли к базу данных и расширили

ее информационную емкость³. В дальнейшем эта работа продолжилась в издательском проекте «Института управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления. Схемы», который завершился выходом в свет справочника в издательстве РОССПЭН в 2004 г.

Собранная в результате масштабного выявления электронная документальная фактография позволяет теперь изучать «движение вопроса» по различным видам источников, отложившимся в фондах партийных органов и государственных учреждений, наглядно проследить реализацию инициатив и наблюдать процесс идеологизации культуры. Появилась уникальная возможность «проникнуть» во внутреннюю жизнь аппарата – партийного и государственного, отмечая его признаки, черты и характерные особенности.

1. *Приспосабливаемость и лавирование.* Сразу после очередной реорганизации и демонстрации высшему руководству штатных расписаний учреждения вносились изменения в структуру, образовывали новые подразделения, ставки. Не являлись исключением даже высшие политические органы. Самый типичный пример – это реальная структура Агитпропа в 1939–40 гг., которая совершенно не совпадала с официальной. Только тщательный поиск и удача, которая ему сопутствует, помогли выяснить из более

3. Михайлов О.М. Гипертекст приближается к архивам // Отечественные архивы. 1995. №1. С. 18–21; Михайлов О.М. Полнотекстовые базы данных. Аналитический обзор по отечественным и зарубежным источникам. – М., 1995.

поздних документов 1942 г., что это произошло в результате «устной договоренности»;

2. *Административно-хозяйственный и финансовый аппарат* имеет существенное значение для понимания устойчивости и надежности той или иной системы управления. Основной задачей административного аппарата – планово-экономическая, финансовая и юридическая службы, обеспечивающие эффективное функционирование управленческого процесса, от деятельности аппарата до получения конечного продукта. Объем и масштабы административного аппарата органов управления культурой – вот показатели расхода госсредств, отпущенных на музеи, театры, библиотеки и пр. Особенно это наглядно, когда возникают хозрасчетные подразделения со своей локальной административно-финансовой структурой, параллельной с общей. Вот почему, с нашей точки зрения, необходимо было отразить эту часть в оргниграммах, хотя первоначально было принято решение не перегружать схемы «непрофильными структурами»;

3. *Номенклатура*. Только на первый взгляд персонажи советской бюрократии представляются серой и безликой массой. Разработанная форма рабочего листа для анализа персоналий вначале показалась нам практически невыполнимой в силу труднодоступности или полного отсутствия информации. Однако опыт по заполнению этих форм дал поразительный эффект. словно во время спиритического сеанса души давно ушедших заполняли мертвые оргниграммы ожившими лицами людей со своими характерами и судьбами. «Назначен», «переведен в резерв», «уво-

лен» – формулировки, которые разделяют порой несколько месяцев. А ведь речь идет о высшем и среднем руководстве, номенклатуре, проходившей в обязательном порядке утверждение на Оргбюро или Секретариате, Политбюро ЦК. Особенно выпукло и ярко получились персоналии Комитета по делам искусств СССР, для разработки которых использовалась секретная часть фонда, в документах которой сообщаются все подробности, в том числе и обвинения во вредительстве и связях с «врагами народа». В созданный в 1936 г. Комитет были взяты на руководящую работу высокообразованные специалисты в своей области, имеющие прекрасное образования, знание нескольких языков. В 1937 г. практически все они попали под нож массовых репрессий. На их место пришли следующие, не менее достойные. Однако только единицы уцелели и остались на своих должностях до 1940 г.

Не менее эффективные результаты были получены в результате работы над тематическими подпроектами информационной базы данных: «Литературные организации, группировки. 1917–1932 гг.», «Литература; вопросы культуры. 1932–1970 гг.». Выявленные документы позволяют по-новому осветить многие события и явления, уточнить факты, демифологизировать определенные представления. Если говорить об информативных качествах базы, то к наиболее ценным можно отнести комплекс документов Союза писателей и подавляющую часть документов РГАНИ. В настоящее время идет работа над сборником «Между молотом и наковальней», куда войдут стенограммы заседаний Союза советских писателей, пере-

писка и другие ранее не публиковавшиеся материалы литературной жизни. А подпроект, посвященный литературным группировкам, позволяет провести социологический анализ творческой интеллигенции, полностью восстановить весь процесс огосударствления общественных организаций и объединений. В начале, государство никак не ограничивало их деятельность, отсутствовал официальный порядок регистрации. Позиция партии по отношению к культуре, по крайней мере, на первом этапе касалась лишь общих принципов. В новой общественно–политической обстановке литературе отводилась существенная роль в процессе всеобщего распространения образования и воздействия на народ наряду с агитационными видами искусства и печатью. Жесткой позиции в соотношении определяющей роли партийной идеологии и степени ее влияния на литературно–художественную жизнь не существовало, а вопросы политической цензуры еще носили дискуссионный характер. Неприятие насильственных методов диктатуры пролетариата многими интеллигентами, с одной стороны, и судорожные усилия удержать власть, с другой стороны, приводили к неоправданным репрессиям против тех, кто недавно так горячо приветствовал крах самодержавной империи и победу революции. Патронирование стало отличительной чертой советской партийно–государственной элиты.

Однако не все писатели уклонялись от сотрудничества с партией или сопротивлялись ей. Полную готовность служить политической агитации и пропаганде в области искусства выразила группа футуристов и пролетарских писателей. Несмотря на то, что все

идеологи новой культурной политики, включая и самого В.И. Ленина, воспитывались на классической русской реалистической литературе, их официальные политические симпатии вынуждены были сосредоточиться на пролетарской литературе и искусстве (особенно в Пролеткульте). Выработка методов руководства остальными растянулась на целое десятилетие и коснулась группировок различных направлений, которые исчислялись десятками, самостоятельность и самобытность которых особенно в первые годы заставляла партноменклатуру изобретать все новые и новые рычаги контроля и политической цензуры. Прежде всего, это коснулось правовых вопросов организации и ликвидации общественных организаций, поскольку именно такой статус имели многочисленные литературно-художественные группировки.

1922 г. стал рубежным в культурной жизни страны. 3 августа 1922 г. было принято постановление ВЦИК и СНК «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними». С этого момента работу по утверждению и регистрации обществ и союзов, а также и надзору за их деятельностью осуществлял НКВД.

Нельзя оценивать отношения между властью и интеллигенцией по принципу «жертвы – злодеи». Очень многие инициативы шли «снизу» от интеллигенции, стремившейся к компромиссу с властью. Усилия литературных организаций, главным образом, были направлены на чисто материальные цели: регулярное финансирование государства через органы управле-

ния культурой (Наркомпрос РСФСР), гарантированная издательская база (включая реализацию книжной продукции), взаимодействие с партийными и цензурными органами по идеологическим вопросам, в том числе и организация положительной критики. Поэтому желание «вписаться» в официально признанные объединения было обусловлено не столько победой одного направления над другим, сколько чисто прагматическими целями выживания в сложной идеологической и экономической обстановке. Государство медленно и коварно, методом «кнута и пряника», подготавливало единственно возможную форму существования – государственную, а потому лояльную и подконтрольную.

Этапным для литературных организаций явился поворотный в идеологии период 1928–29 гг. Для того, чтобы обеспечить правовую основу для ликвидации литературных группировок попутнического толка сначала было утверждено новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». Постановлением ВЦИК-СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. впервые была определена правоспособность состава обществ: выборные должности могли занимать только лица, не лишённые избирательных прав, цели обществ не должны были противоречить общим целям социалистического государства. Для проведения перерегистрации в ГПП и НКВД были созданы специальные отделы регистрации клубов, кружков и других организаций. Сначала избавились от попутнических организаций, уничтожив то небольшое разнообразие в идейно-художественных направлениях и эстетических вкусах, сохранив ос-

новные литературные организации—монстры. Впоследствии те же приемы удушения были применены властью и к самым пролетарским из всех пролетарских организаций.

Современная историческая наука давно уже развивается в тесной связи с интеграционными процессами, которые происходят не только в поле гуманитаристики и социологии, но и в пространстве точных наук. Позади дискуссии о приоритетах школ, которые применяют традиционные методы анализа источников и тех, кто в качестве этого метода использует современные компьютерные технологии. Так или иначе, историк-исследователь на пути к истине «пользуется, как правило, бессознательно, «моделями, полученными с помощью научного или донаучного социологического анализа». И главными в его работе является получение оптимальной совокупности фактов, позволяющих воссоздавать реалии прошлого, максимально адекватно их внутренней сути и содержанию. Одним из факторов, снижающих результативность работы историка, является его идеологизация, практически неизбежная в индивидуальных исследованиях, где, по Веберу, «человек науки приходит со своими собственными ценностными суждениями» и где «уже нет места полному пониманию фактов».

Как ты знаешь, Карл, долгие годы мне пришлось изучать документы партийно-государственной системы, призванной диктовать, запрещать, не пущать и душить. По другую сторону находились отдельные жертвы системы, которые вели себя по отношению

к системе в зависимости от ситуации и своих личных возможностей. Собранный комплекс представляет собой совсем иное проявление творческой интеллигенции, которое можно назвать вечным компромиссом в своих отношениях с властью. Это можно наблюдать в обществе, склонному к сильной власти и явно выраженной идеологической доктрине – стремление интеллектуальной части общества к контролю и легализации их деятельности. Безусловно, мы не можем оценивать ситуацию, опираясь только на обращения, резолюции, протоколы литературных организаций и отдельных литераторов, которые по стилистике больше напоминают политические доносы, стенограммы обвинительных процессов, кухонные склоки. Объективности ради, необходимо подчеркнуть, что усилия литературных организаций были все-таки направлены на чисто материальные цели: литераторы, входящие в группировки пролетарского направления, находились на регулярном финансировании (на зарплате) государства через органы управления культурой (Наркомпрос РСФСР). Поэтому стремление «вписаться» в официально признанные объединения было обусловлено не столько победой одного направления над другим, сколько чисто прагматическими целями выжить в сложной идеологической и экономической обстановке.

В середине 1930-х гг. конформизм и беспринципность стали уже привычными для творческой интеллигенции, понимающей, что без благосклонности высшего политического руководства и членства в соответствующем творческом союзе будут обречены

на молчание и безызвестность. Только наблюдая и переживая процессы, происходящие сегодня в общественном сознании, чем-то повторяющие схему: слом старой идеологии и культуры, кризис и попытки создать нечто новое – понимаешь генетическую зависимость болезни, ее корни и причины, психологию и анатомию которой так прекрасно описал К. Манн в своем «Мефисто». Пожалуй, как это ни горько, следует признать хроническую потребность интеллигенции приспособиться к некой, то классовой, то национальной идеологии, обслуживающей интересы власти.

Работа, которую провели российские архивисты совместно с Институтом русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана, дала результаты значительно превышающие ожидаемые. И творческая атмосфера, уважительное внимание к мнению коллег, умение видеть новые перспективы и использовать их – все эти бесценные качества организатора, которыми в полной мере обладает Карл Аймермахер, стали залогом успеха в развитии нового этапа научного знания и методологии исторического познания.

*Письмо четвёртое –
Наталии Томилиной
и Михаила Прозуменщикова*

Ждем снова в нашем архиве

Пасмурный декабрьский вечер 1998 года в Москве. У дома номер 12 по улице Ильинка необычное скопление людей. Здесь, в зданиях, некогда принадлежавших ЦК КПСС, располагается самый молодой российский архив – Центр хранения современной документации, впоследствии переименованный в Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Как правило, сюда приходят с утра, чтобы занять место в читальном зале и заняться увлекательной работой: изучением еще недавно строго засекреченных документов бывших партийных архивов. Однако на сей раз в читальный зал РГАНИ пришли по другому, в общем-то, еще достаточно необычному для архива поводу.

Сегодня впервые в этих стенах проходит презентация сборника документов, подготовленного по материалам архива. Сборника, который должен открыть целую серию документальных публикаций, объединенных под названием «Культура и власть от Сталина до Горбачева». Через несколько лет на прилавках книжных магазинов появится больше десятка различных изданий этой серии: сборники документов,

архивные справочники, монографии. Но это будет потом, а сегодня – дебют серии, первая «проба пера».

Профессор К. Аймермахер выступает на презентации первого сборника из серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева». 1 декабря 1998 г. Москва. РГАНИ.

На трибуне невысокий мужчина, всем своим видом контрастирующий с приглашенными на презентацию официальными лицами. Длинные черные волосы, «профессорская» бородка, без галстука, в расстегнутом сером пиджаке – он говорит мягким приятным голосом с заметным акцентом. Но уже спустя несколько минут аудитория растворяется в этом голосе, внимая каждому слову оратора. И одновременно с увлеченностью его выступлением, приходит чувство легкого недоумения: как может иностранец так ярко и инте-

ресно рассказывать о русской культуре, вникать во все хитросплетения ее непростых взаимоотношений с властными структурами.

За столом президиума во время презентации первого сборника из серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева» (слева направо): руководитель Федеральной архивной службы России В.П. Козлов, директор РГАНИ Н.Г. Томилина, генеральный директор издательства «РОССПЭН» А.К. Сорокин, заместитель директора РГАНИ В.Ю. Афиани. 1 декабря 1998 г. Москва. РГАНИ.

В действительности же, для тех, кто хорошо знает выступающего, ничего странного в этом нет. Перед нами профессор Карл Аймермахер, человек, без усилий которого ни эта серия, ни многие другие проекты, связанные с российскими архивами, вряд ли были бы когда-нибудь осуществлены. Именно он по праву является «крестным отцом» целого ряда ныне столь популярных изданий, нашедших свое достойное место в числе многочисленных архивных публикаций 1990-х – начала 2000-х годов. Искусствовед, профессор славистики, директор Семинара славистов и руководитель Института русской и советской культуры им. Ю. Лотмана в Рурском Университете в Бо-

хуме (ФРГ), Карл Аймермахер в течение многих лет занимался различными аспектами русской литературы и искусства XX века. А когда в начале 1990-х гг. в России открылись для исследователей архивы, он сделал все возможное для того, чтобы огромный пласт архивных документов по истории советской культуры стал достоянием широкой общественности.

Собственно говоря, мы познакомились с профессором позже многих других архивистов. Да это и не удивительно, если учесть специфику РГАНИ. До 1992 года полностью закрытый от внешнего мира архив с тотально засекреченными документами вряд ли мог рассчитывать на какие-либо исследовательские или публикаторские проекты, к тому же, в сотрудничестве с иностранными научными центрами. Не было у представителей архива и широких контактов в этой области. «Архивная революция» начала 1990-х гг. имела для РГАНИ противоречивые последствия. С одной стороны, началось массовое открытие архивных документов, с другой – появилось много желающих приватизировать хранящиеся в архивах бесценные материалы, сделать их источником своего собственного быстрого обогащения.

В этом плане сотрудничество с профессором Аймермахером выглядело приятным исключением. Все, что делалось им, было не только высоко профессиональным, но и глубоко порядочным. Любые вопросы и проблемы, которые неизбежно возникали в процессе столь длительной и напряженной работы, неизменно решались в атмосфере доброжелательности и уважительного отношения к архиву, с учетом интересов архивистов.

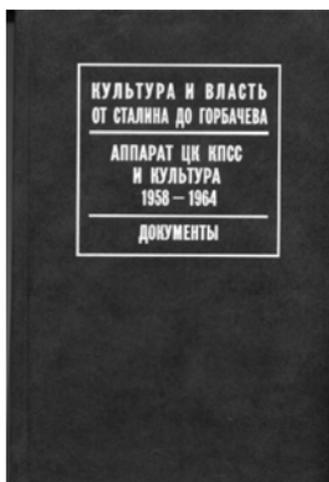
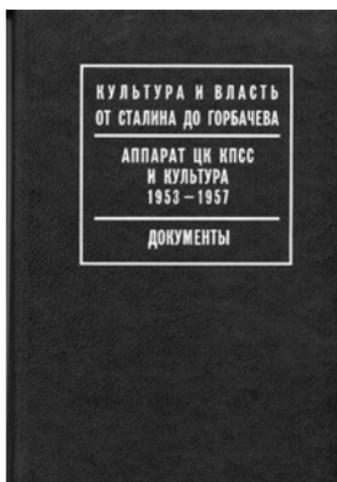

«Так начиналась серия». За работой над первым сборником из серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева» его составители (слева направо): Е.В. Кочубей, М.Ф. Кишкина-Иваненко, Е.С. Афанасьева. 1997 г. Москва. РГАНИ.

А ведь начало нашего сотрудничества пришлось на очень тяжелое для архива время. Нищенские зарплаты сотрудников (которые еще и не вовремя выплачивались), стремительный отток профессионально подготовленных кадров, невозможность решить самые насущные социальные вопросы – это и многое другое тяжелым бременем ложилось на архив и его руководство, пытавшееся сохранить РГАНИ в качестве дееспособной организации. И сотрудничество с Карлом Аймермахером позволяло хоть в какой-то степени снизить напряженность в коллективе, причем не только потому, что проект давал возможность привлечь в архив жизненно необходимые внебюджетные средства. Очень важным было и то, что работа над сборниками серии оказалась крайне интересной, новой и необычной для специалистов архива; этот интерес удерживал в РГАНИ профес-

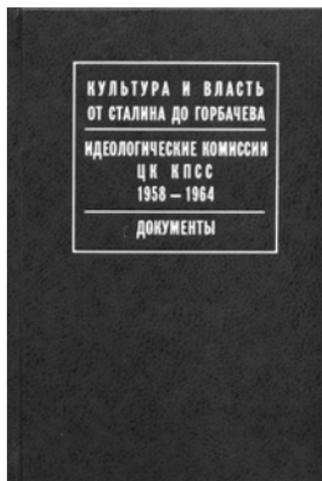
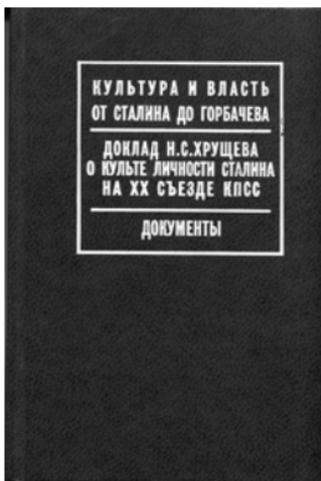
сионалов архивного дела, как ничто другое вдохновлял их на продолжение работы в архиве.

Благодаря пониманию со стороны профессора Аймермахера архиву удавалось решать многие, порой весьма существенные проблемы. Так, когда встал вопрос об издании сборника документов, посвященного знаменитому «секретному» докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности И.В. Сталина, был найден компромисс, позволивший опубликовать этот, ныне почти раритетный сборник, в серии «Культура и власть».

И, конечно, отдельная благодарность Карлу Аймермахеру от одного из написавших эти строки, М.Ю. Прозуменщикова, сумевшего опубликовать в рамках серии собственное научное исследование – «Большой спорт и большая политика». Не приходится сомневаться, что если бы не живейшее участие

профессора в этом проекте, не финансовая поддержка издания со стороны Института им. Ю. Лотмана, этот труд и сегодня бы пылился в письменном столе его автора.

Практически все, кому доводилось работать с Карлом Аймермахером, отмечают его интеллигентность, доброжелательность, готовность выслушать и понять собеседника. Однако это вовсе не означает какой-то его мягкотелости. Когда этого требовала ситуация, профессор всегда был готов решительно отстаивать свои взгляды и убеждения, не взирая на чины и лица. Мы стали невольными свидетелями этого при работе над одним из сборников документов и не могли не отдать должное принципиальности и настойчивости, с которыми он выступал в защиту своей позиции.

Не хотелось бы повторяться, но нельзя не сказать еще раз о поистине энциклопедических знаниях про-

фессора. Порой создается впечатление, что он лучше многих российских специалистов разбирается в различных аспектах русской и советской истории, ярко и красочно повествуя о событиях давно и не очень давно минувших дней. Посещая РГАНИ, он не устал удивлять нас своими рассказами, идеями, проектами, далеко не все из которых, к сожалению, удалось реализовать.

И, как всякий талантливый человек, Карл Аймермахер счастливо сочетает в себе самые различные способности и дарования. Нам нет смысла подробно рассказывать здесь о его фундаментальных исследованиях по истории русской семиотики. Пусть об этом напишут те, кто больше и лучше знает профессора. Мы же только хотим подчеркнуть, что практически каждый раз после очередной встречи с профессором он открывается нам с новой, неизвестной ранее стороны, как бы подчеркивая многогранный характер своей незаурядной творческой личности.

Конечно, очень жаль, что уже несколько лет мы лишены возможности непосредственного общения с профессором. Жаль, что, оформляя пропуска для иностранных посетителей РГАНИ, мы не вносим в последнее время в этот список его имя. Но мы оптимисты! Мы верим, что пройдет совсем немного времени, и он снова перешагнет порог нашего архива, посмотрит на новые, недавно рассекреченные документы, встретится со своими старыми друзьями и новым поколением архивистов.

А дело, начатое Карлом Аймермахером, живет и побеждает! В РГАНИ завершается работа над оче-

редным томом из серии «Власть и культура», посвященном деятельности отдела культуры ЦК КПСС в середине 1960-х – начале 1970-х гг. В ближайших планах архива подготовка следующего сборника. А сколько еще нереализованных идей и задумок, многие из которых были когда-то подсказаны профессором! При этом мы убеждены, что, несмотря на огромный вклад, который внес Карл Аймермахер в дело публикации и изучения российских архивных документов, он еще не сказал своего последнего слова в этом важном и благородном деле.

Мы желаем профессору здоровья, бодрости, душевного спокойствия, успешной реализации всех намеченных им планов. Большое спасибо, дорогой Карл, за все, что Вы сделали, и до новых встреч!

*Письмо пятое –
Александра Борозняка*

Карл Аймермахер и Лев Копелев

Ab imo pectore

В октябре 2004 года в Бохуме проходила очередная конференция по проблематике российско-германских отношений. Меня, как и других ее участников, поселили в пустовавшем в межсезонье отеле для игроков в гольф, расположенном у подножья холма, на котором возвышаются десятки зданий Рурского университета. Рано утром, сразу после раннего завтрака, в гостиницу пришел профессор Карл Аймермахер, с которым я уже не раз встречался и дружески беседовал в Москве. Осенью 2002 года мы, вместе с десятком российских и немецких ученых, были участниками приема в посольстве ФРГ, связанного с выпуском специального номера журнала «Родина» – «Россия и Германия XX века».

Наша небольшая группа, выйдя из отеля и перейдя дорогу, стала неторопливо подниматься по ведущей вверх по косогору лесной тропе. Так вышло, что мы вдвоем оказались впереди своих попутчиков. В Липецке, на факультете иноязычной культуры, шла интенсивная подготовка к очередным Копелевским чтениям, что вызвало самый живой интерес у бохумского профессора.

Первые Копелевские чтения. Справа налево: профессор А.И. Борозняк, профессор Н.Э. Вашкау, аспиранты ЛГПУ.

Я спросил своего собеседника о том, как воспринимались в Германии выступления Копелева после того, как в январе 1981 года его вместе с женой Раисой Орловой лишили гражданства СССР с лживой формулировкой: «за действия, порочащие звание советского гражданина». Карл сказал, что, пожалуй, нет ни одного примера в европейской истории, когда эмигрант-чужестранец сыграл бы столь выдающуюся роль в культурной и политической жизни принявшей его страны. К Генриху Гейне не прислушивались французы, а англичане были и вовсе безразличны к деятельности Александра Герцена. Не то Копелев. Его телеинтервью привлекали всеобщий интерес, его узнавали на улице, с ним здоровались незнакомые люди. «Он, – говорил мой собеседник, – обладал способностью объединять людей, воевавших прежде

друг против друга, усаживать за один стол политиков и ученых, принадлежавших к различным направлениям и придерживавшихся неординарных традиций. Он участвовал в формировании немецкого взгляда на Россию и нередко удивлял русским взглядом на Германию».

Но, к сожалению, наш разговор прервался: мы подошли к одному из бетонных корпусов, которые можно различить только по большим, едва ли в рост человека, буквенно-цифровым обозначениям (вроде G-4 или D-3). Карл, поднявшись вместе со мной в заполненном студентами лифте и коротко потолковав с собравшимися в аудитории участниками предстоящего заседания, вскоре ушел по своим неотложным делам. Но прямым продолжением содержания нашей беседы стала для меня вступительная статья к полученному мной из Берлина в начале 2007 г. тысячестраничному тому «Совращение властью», открывающему Новую серию ««Западно-Восточных отражений»

Аймермахер проникновенно и убедительно пишет о «феномене Копелева»: «Удивительно, что Копелев, после того, как он насильственно был лишен советского гражданства, столь быстро стал известен широкой общественности ФРГ... Кто же сегодня, через двадцать лет, не представляет себе этого старика с большой белой бородой, всем обликом столь напоминавшего Толстого». Начало нового этапа жизни Льва Копелева совпало с резким обострением советско-западногерманских отношений (обе стороны ощепинились частотой ракет средней дальности), с оживлением стереотипного образа агрессивного «русского медведя». Копелев, замечает Аймермахер, как раз

и соответствовал облику медведя: «своей массивностью, густым голосом, умением быстро ориентироваться в новой обстановке»... Но Копелев стремился к преодолению стереотипов, к обнажению их предпосылок и механизмов их функционирования. Он обладал незаурядной и неповторимой способностью убеждать и сплачивать людей. «От Копелева исходили искры подлинной человечности. Каждого собеседника он воспринимал очень серьезно, он выслушивал каждого, просто и понятно реагировал на все вопросы».

Созданный Карлом Аймермахером выразительный портрет российского ученого полностью отвечает действительности. Пишу это на основании счастливого опыта моих встреч и бесед с Львом Копелевым в Кельне и в Москве.

В 1981 году Копелев, живший в Кельне на правах вынужденного эмигранта, выступил с почином, который не имел себе равных в мировой гуманитарной науке: он предложил создать многотомный труд, отразивший не только развитие российско-германских межгосударственных отношений, но – прежде всего – отношений наших народов друг к другу на протяжении IX–XX столетий. Сам замысел был грандиозным и дерзким. В нем счастливым образом соединились русские размах и всемирная отзывчивость, немецкие исполнительность и аккуратность.

В течение нескольких месяцев план, получивший название Вуппертальского проекта, обсуждался в официальных инстанциях ФРГ. Весной 1982 г. была утверждена его концепция и открыты пути его финансирования. Организационной базой проекта стал

незадолго до этого основанный Бергский университет в городе Вуппертале, профессором которого (беспрецедентно: без ограничения срока) был избран Копелев. Официальное наименование труда (восходящее к терминологии Гете) было определено следующим образом: «Западно-Восточные отражения». Уже в самой идее проекта была заложена идея диалога культур: диалога между Россией и Германией, диалога внутри русской культуры, диалога внутри немецкой культуры.

Ему удалось сформировать коллектив талантливых и эрудированных единомышленников (среди них: Дагмар Херрман, Карл-Хайнц Корн, Мехтильд Келлер, Мария Классен, Герд Кёнен), сделав в относительно короткий срок то, что было бы в иных условиях под силу научному институту с солидным штатом сотрудников. Была проведена исключительно интенсивная работа по реализации замысла «Западно-Восточных отражений». Всего при жизни Копелева было выпущено или подготовлено к печати в свет десять томов первой и второй серий, охватывающих период от эпохи Киевской и Новгородской Руси до первых десятилетий XX века. Эти результаты позволяют оценить Вуппертальский проект как одно из важнейших научных достижений XX века в гуманитарной сфере.

Копелев, отмечает Карл Аймермахер, первоначально планировал хронологически ограничить свой замысел началом XX века. Очевидно, потому, что опыт относительно конструктивного сосуществования России и Германии, прежде всего в XVIII и XIX веках, мог стать познавательной базой для преодоле-

ния «образов врага» – предрассудков, возникших в трагических ситуациях Первой и Второй мировых войн, равно как и холодной войны. Но новая ситуация на Европейском континенте, связанная с объединением Германии, распадом Советского Союза и перспективой формирования добрососедских отношений между Российской Федерацией и ФРГ, побудили Копелева изменить первоначальное решение. Жизнь потребовала расширения хронологического проекта на заминированное пространство XX века, века максимальных антагонизмов между нашими народами и государствами. В этом таился немалый риск, и об этом предупреждал Осип Мандельштам:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки...

Тогда, в 1997 году, Копелев уже тяжело болел, но идея кардинального обновления Вуппертальского проекта не оставляла его, надо было отыскать того, кто смог бы продолжить грандиозный замысел. Выбор оказался неожиданным и снайперски точным. Копелев обратился за советом, помощью и поддержкой к Карлу Аймермахеру. Почему именно к нему, к представителю другого поколения, к ученому иной школы, не принадлежавшему к «ближнему кругу» Копелева, к числу сотрудников и авторов «Западно-Восточных отражений»?

Думаю, потому что Аймермахер зарекомендовал себя блестящим исследователем русской литературы – от Николая Гоголя до Василия Аксенова. Потому, что Аймермахер накрепко связал западную лингвистиче-

скую науку о достижениях Московско-Тартусской школы семиотики во главе с Вячеславом Ивановым и Юрием Лотманом. Потому, что Аймермахер рассказал немцам о замечательном московском скульпторе Вадиме Сидуре. И потому, что все эти (и многие другие) обращения к явлениям нашей культуры непременно находили вполне материальное воплощение: переводы произведений русских авторов; создание в Бохуме Института русской и советской культуры имени Лотмана; выставки Сидура в ряде городов Германии и установка увеличенных отливок его скульптур на площадях Дюссельдорфа, Касселя, Берлина... Роль достойного продолжателя «Западно-Восточных отражений» была подготовлена всей предшествующей деятельностью Карла Аймермахера.

Свое решение принять из рук Льва Копелева эстафету Вуппертальского проекта Аймермахер в одном из интервью объяснял следующим образом: «Лев Копелев провел огромную работу и думал довести историю германско-русских отношений до 1917 г. Но затем, уже перед смертью, он изменил свое решение и предложил мне продолжить проект. Я не мог отказаться, хотя никогда раньше не занимался этими вопросами. К тому же, в отличие от отношений до Первой мировой войны, позднее все меняется коренным образом. И в 20-е годы взаимоотношения непростые, затем 30-е, Вторая мировая война, послевоенный период. Все очень сложно... Мне кажется, это будет новое, беспощадное рассмотрение наших контактов. Я вошел в материал. И если раньше я полагал, что меня это меньше интересует, то теперь понял, насколько это важно».

Прошло почти десять лет с начала нового этапа Вуппертальского – теперь уже Вуппертальско-Бохумского – проекта. Перед нами трехтомник, изданный на немецком языке, выполненный под руководством Карла Аймермахера при самом активном участии Астрид Фольперт и Геннадия Бордюгова. Это – уникальное описание российской и германской реальностей прошлого столетия в их событийном ходе, в их сопряжениях, в их самопознании и самосознании. Объем трех томов достигает пяти тысяч страниц. Авторами издания являются более сотни немецких и российских ученых.

«Общность исходных проблем в Германии и в России, – я цитирую слова Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова, – предопределила и общность исторической последовательности циклов XX века: война – революция – попытки утверждения демокра-

тии – диктатура – война – холодная война. Параллельно прослеживается сверхнакал идеологизации первых десятилетий XX века со свойственными этому времени новыми мифами, эрзац-культами и манипулированием традиционными символами и стереотипами. За этим следует борьба идеологических систем национал-социализма и сталинского социализма; террор враждебных диктатур, зеркально-двойственное мировоззрение времен холодной войны и, наконец, ослабление и крушение тоталитарных мировоззрений. Отсюда – параллелизм биографий и способов государственного воздействия на личность, ситуаций умолчания, фактов политических преследований и истребления целых групп населения, эмиграционных волн, конфликтов поколений и смены ориентиров самоопределения. Добавим к этому и одного из важнейших действующих лиц трехтомника:

**КОПЕЛЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ
1999**

**Россия и Германия:
диалог культур**

«внутреннего немца» – российских немцев, которые явились двойным заложником российско-германского противостояния. Обозначенные проблемы потребовали дополнительных архивных изысканий и серьезных сравнительных исследований».

Потребовавшие немалого интеллектуального мужества поиски смыслов и сути российско-

германских отношений XX века представляют собой не декларируемый, но – вполне реальный вклад в возвышение российской и германской культуры, в формирование единого европейского цивилизационного пространства. «Национализм, – писал академик Дмитрий Лихачев, – страшное бедствие современности. В чем его причина? В том, что народы слишком мало знают друг о друге».

В музее Вадима Сидура в Москве, созданном при непосредственном участии Карла Аймермахера, экспонируется замечательная скульптура «Пророк, который хотел летать». Лев Копелев и Карл Аймермахер представляются мне пророками, которые летают и учат летать других, одним крылом опираясь на воздух русской культуры, а другим – на воздух германской культуры.

Продолжатель уникального проекта

Так и не могу вспомнить, когда я познакомилась с Карлом Аймермахером... Вероятно, ещё в шестидесятые годы. В моей памяти он тесно связан с именем скульптора Вадима Сидура. Приведу отрывок из статьи мамы, Раисы Орловой-Копелевой, написанной в конце 70-х:

«В 1956-м году на выставке молодых художников в залах Академии художеств на Кропоткинской мы обратили внимание на маленькие изящные статуэтки. Дерево. Камень. И под каждой работой – три подписи: Сидур, Лямперт, Силис. Трое юношей, авторов, увидев интерес к их работам, пригласили нас к себе в мастерскую в подвал рядом с Парком культуры. Там и сейчас мастерская Сидура.

Нам очень понравились скульпторы. Веселые, талантливые, общительные. Мы стали ходить к ним сами, приводили своих друзей. С каждым посещением я видела лучше, больше понимала. И сейчас закрываю глаза и вижу деревянную фигурку, – прелесть юная женщина с огромным животом. Вижу их разрисованные буйными красками керамические тарелки. Вижу их портреты: странного, неуклюже значи-

тельного, немного надутого Бориса Слуцкого из белого камня. Слуцкий был одним из меценатов, покровительствовал он и этой тройке.

Как-то мы встретили у них молодых певцов: Кима и Коваля. Аккомпанируя себе на двух гитарах, они пели песни, стилизованные под старину, солдатские песни о бравых гренадерах. Звукам гитар словно отвечали, подыгрывали иронические скульптуры хозяев мастерской. И нам – слушателям – хотелось запомнить слова, приплясывать, отбивать ритм...

Мы, разумеется, что-то пили, выпивки было немного, закуски – совсем мало, но опьяняла не водка. Пьянила надежда на изменения завтра, послезавтра. Ну и пусть эти работы не пускают на выставки, еще одно, два, три усилия и треснет эта прогнившая структура и откроется дорога им – талантливым, свободным.

Кто мог тогда представить себе, что разрушится тесный тройственный союз. Что далеко разойдутся пути Кима и Коваля. Что Вадима Сидура исключат из Союза художников, что он сделает памятник жертвам фашизма для немецкого города Касселя. Что альбомы с репродукциями его работ выйдут в Австралии, Голландии, Франции, обойдут едва ли не весь мир. Что в ФРГ о его скульптурах и графике будет сделан телевизионный фильм. А его соотечественники в России будут знать о нем немногим больше, чем в те годы.

Покажи нам кто-нибудь картинки из будущего этой мастерской на неких слайдах в тот весенний день 1956-го года, – никто из нас не поверил бы. Ни их будущему, ни нашему. Мы тогда мечтали о мно-

гом. Надеялись на коренные изменения у нас, хотели, чтобы понравившиеся нам скульптуры и картины могли бы увидеть наши соотечественники».

Лев Копелев и Мария Орлова. Трир, 1989 г.

Я не знаю, как сложилась бы судьба скульптора Вадим Сидура, если бы не встреча с Карлом. Сейчас и в Москве стоят его скульптуры, и есть выставочный зал, где можно посмотреть его работы. Но сначала он стал известен в Германии, известен благодаря Карлу Аймермахеру.

В 1989 году Лев Копелев, лишенный в 1980 г. вместе с женой Раисой Орловой советского гражданства, впервые смог приехать в Москву. Встречи с друзьями, родным, интервью, выступления – но и работа. Он задумал новый проект – русский культурно-учеб-

ный центр для осуществления интенсивных русско-немецких контактов в различных областях культуры. Там должны были обучаться студенты и аспиранты из России, а также проходить концерты, выставки, кинофестивали, выступления поэтов и писателей, презентации новых книг. Директором нового центра должен был стать Карл Аймермахер. Проект одобрило правительство Земли Северный Рейн-Вестфалия, Лев уже подбирал первую группу студентов. Однако жизнь в те годы развивалась слишком быстро, осенью 1989 г. треснула Берлинская стена. Объединение двух немецких государств стремительно набирало обороты. Этот процесс потребовал от ФРГ слишком больших финансовых затрат и, увы, новый проект умер, не начавшись. Впрочем, удалось создать институт имени Лотмана, который успешно работал в Бохуме под руководством Карла.

Много лет Лев Копелев возглавлял придуманный им Вуппертальский проект. Небольшая группа начала работу над проектом в 1982 году, когда самому Льву было уже 70 лет. Он привлек к этой работе историков, филологов, культурологов, один за другим выходили тома в двух сериях: «Германия и немцы глазами русских», «Россия и русские глазами немцев». В конце 80-х к проекту подключились и исследователи из России. Но Лев все чаще задумывался о том, кто смог бы продолжать этот уникальный проект, он понимал, что просто не успеет его закончить. Найти такого человека оказалось совсем не просто. Но все-таки он нашелся: опытный, авторитетный, образованный. Карл Аймермахер довел до конца работу, начатую Львом Копелевым. Хотя эта работа

так важна, что вряд ли можно ее просто закончить. Тем более, русские исследователи с ней еще лишь начали знакомиться. А вопросы, поднятые в проекте, образ чужого, образ врага – становятся все злободневнее. Кажется, впрямую изучать его в средней школе.

Июнь 1988 г. Слева – Вячеслав Всеволодович Иванов.

Вероятно, потомки оценят вернее, но уже сейчас ясно, как много сделал Карл для русской культуры. Спасибо, Карл!

*Письмо седьмое –
Вениамина Смехова*

К юбилею Папы Карла Аймермахера

В эпоху развитого социализма и недоразвитых членов Политбюро мне повезло играть на сцене отважного театра на Таганке. Повезло – и с ролями, и с Любимовым, и с партнерами. А теперь, 40 лет спустя, долговечнее и плодотворнее оказалась удача – со зрителями. И я бесстыдно собираю урожай давнишних таганковских успехов – до сегодняшнего дня. Лиля Брик... Николай Эрдман... Булат Окуджава... Сергей Параджанов... Давид Самойлов... Юрий Трифонов... – и в этом перечне прекрасных лиц ужасной эпохи особо выделяется имя скульптора Вадима Сидура. (Здесь профессор К.А. саркастически добавил бы: «Да-да, старцам Политбюро польстило бы название сидуровского цикла ГРОБ-АРТ...»).

Вадим и его жена Юля любили ходить к нам на Таганку. Мы подружились, и в знаменитом Подвале скульптора я впервые услышал о тебе, Карле Аймермахере. По ту сторону железного занавеса ты спасал имя и дело Вадима Сидура от тьмы забвения. По рассказам Юли и Вадима, ты был выдающимся славистом в Германии, уникальным знатоком русского авангарда 60-х – 70-х годов, еще точнее называемого «советским андеграундом».

Я решительно приступаю к списку благодетелей юбиляра, отраженных зеркалом моей дырявой памяти.

Дорогой и романтичный Freund und Genosse!

Напоминаю тебе о твоём дебюте на сцене моей биографии.

196... энный год. Радиостанция «Deutsche Welle», отплеываясь от глушилок, доносит до наших благодарных ушей голос профессора Аймермахера из города Касселя, где только что торжественно открыт памятник жертвам насилия. Автор – Вадим Сидур. Мы сидим в подвале, Комсомольский проспект, 5, и Юля накрывает на стол – колбасу, хлеб, сыр, огурцы, чай, пастилу к чаю. И разлита по стаканам бутылка водки, и возбужденно выпита: за историческое событие, за город Кассель, за прекрасного Карла.

1988 год. Впервые на родине Сидура и через два года после его смерти, на Проспекте Мира, по соседству с особняком Брюсова – выставка работ скульптора. Поэт Юрий Левитанский шепчет мне на ухо: мол, ну, и пусть небольшая, и пусть ее патронирует Комитет Защиты Мира во главе с Генрихом Боровиком – а все равно праздник на нашей улице. И Юля счастливо улыбается, и Карл Аймермахер – никто другой! – эту выставку представляет, между прочим, на изысканном русском языке...

1991 год. Мы с женой гостим два дня у Гизелы и Карла в Бохуме. Моя Галя поддержала хозяина дома в его атаке против моих сомнений: завтра я впервые в жизни должен прочесть лекцию в зале университета, под переводчика – «как взрослый». И я прочел – про театр «перестройки», про «Таганку» и про феномен Владимира Высоцкого. Ученик Аймермахера Клаус

Вашик не «переводил», а срывал с моих пламенных уст корявые фразы – кажется, за миг до их озвучания! – и подавал на немецком как образцы совершенства, на уровне чуть выше Гессе или Белля.

Скажи мне, учитель, кто твой ученик – и я скажу тебе, кто ты. А ты – Карл Аймермахер, и ты в тот вечер уверенно осыпал меня похвалами и требовал, чтобы отныне я не отлынивал от своего главного предназначения на земле: сверкать бриллиантами публичного красноречия, стать профессором кислых щей всероссийского искусствознания.

Вскоре я предстал с лекцией перед актерами знаменитого бохумского театра и опять блистал – в переводе того же Вашика. По уважительным причинам, Вашик не устремился за мной по карте моих странствий, и я, как гений чистой риторики, зачах.

Зато «восчах» на оперной сцене Германии! Свидетелей моей режиссуры – зрителей премьеры спектакля «Die Liebe zu den drei Orangen», по С. Прокофьеву – с гордостью назову: Карл с нашим общим другом Львом Копелевым, Наталья Гутман, Дмитрий Пригов и другие прекрасные лица России и Германии. На банкете генеральный интендант Клаус Шульц, разделяя восторги публики, сообщил нашим гостям, что до нас с художником Давидом Боровским, на этой же сцене в Аахене так же удачно дебютировал только один человек – дирижер Генрих фон Кароян...

В те же годы Карл потряс нас с Галей, показав потрясающую коллекцию слайдов по нашему родному антисоветскому андеграунду.

И еще об одной незабываемости имени «папы Карла». В городе Мюнстер состоялось необычное скрещение художественных акций. В причудливом старом здании, между двумя лестницами, в центре зала красовался рояль, а на ступеньках. друг против друга, декламировали стихи Сергея Есенина – режиссер и шеф мюнстерского театра по-немецки, а я – по-русски. А молодые музыканты из России при этом совершали сложносочиненные модерновости... А заказал весь «наезд» на музу русского гения руководитель радио-теле-концерта WDR, недавно в России посетивший Рязанскую губернию и насмерть влюбившийся в село Константиново и лично в поэта Есенина. А все это художественное приключение замыслил, организовал и вдохновил – скромно в уголке отсидевший профессор К.А...

Очень трогательный скандал закатил мне милый наш Карл, когда узнал от Копелева о моем контракте

с University of Maryland. «Как ты мог согласиться, после таких ролей на Таганке, после такого успеха в германской опере – ставить спектакль по-русски со студентами-аматерами! Ты снижаешь планку и морально, и материально!» Он не ошибался только в последнем пункте, однако и морально, и профессионально я прошел новую ступеньку опыта с выигрышем: и студентам на пользу, и зрителям в радость, и себе – «в кайф».

Подводя предварительные итоги моего личного АЙМЕРМАХО-центризма, заявляю уверенно и юбилейно:

Lieber Vater Карло! Тебе, мастеру дебютов, открытий, стартов и гамбитов – не знать никаких эндшпилей долго-предолго, продолжая удивлять и радовать Гизелу, друзей, учеников и все прогрессивное человечество!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

За себя и за Галю – твой Веня Смехов.

*Письмо восьмое –
Бориса Соколова*

Значимая фигура в немецко-русском диалоге

Твое имя давно и прочно вошло в историографию русской культуры. Возглавляя Институт имени Лотмана Бохумского университета, ты, как никто другой в Германии, много сделал для развития диалога немецких и русских историков и культурологов, для всестороннего исследования истории русско-германских культурных связей и их современного развития. В этом диалоге – твоя фигура значимая. Обладая обширнейшей эрудицией, ты одновременно – прекрасный научный менеджер. Без твоих усилий никогда бы не появился на свет фундаментальный академический трехтомник по германо-русским культурным связям. Именно в связи с работой над ним в рамках Вуппертальского проекта и состоялось в конце 90-х годов наше знакомство, переросшее в дружбу.

Тебя любят студенты и коллеги, истину ты умеешь преподнести незаметно, ненавязчиво, но так, что возразить уже не решаешься. Немаловажно и то, что в одной из многочисленных ипостасей ты – художник. Тонко чувствуешь искусство изнутри, не только как его исследователь, но и как его творец. И неслучайно ты стал одним из первооткрывателей советского неофициального искусства в Германии, тщательно

исследовал его детали, поместил в философский контекст Большого времени.

Ты поднялся как над чувством немецкой вины, так и над чувством советской вины, чтобы максимально объективно понять, какой же была истинная сущность взаимоотношений двух великих народов на протяжении бурного и жестокого XX века. Ты понимаешь, как важно сохранять свидетельства времени не только в виде рукописных и печатных текстов, но и в виде вещей и артефактов искусства, одним из первых начал собирать архивы и предметы советского «другого искусства», а теперь и предметы, представляющие «уходящую натуру» – ГДР. Ты выявил мировое значение советского авангарда как манифестацию дегуманизации и отчужденности советского человека, о чем молчало официальное искусство.

Не замыкаясь в академическую башню из слоновой кости, все свои научные штудии ты соотносишь с живой жизнью, веришь, что они помогут наладить диалог между русскими и немцами, сделают людей более терпимы к «другому» и в искусстве, и в жизни, научат их понимать то, что прежде казалось непознаваемым и даже вызывало отторжение.

*Письмо девятое –
Владимира Колязина*

В ободрение другу
Zur Aufmunterung
Eines Freundes

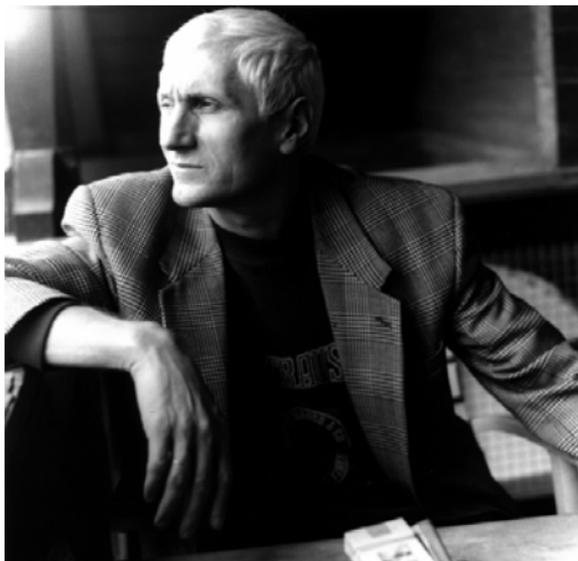
За долгие годы занятием германистикой мне посчастливилось приобрести множество друзей в Германии, без которых и без постоянного диалога с которыми я давно уже не мыслю своей жизни. Все это очень разные люди, как правило, влюбленные в Россию то ли по биографии, то ли по судьбе, то ли по занятиям, то ли по складу характера. Среди них есть и безотчетные идеалисты, подкармливавшие меня и мне подобных в трудную годину и наивно веровавшие в то, что вскоре по приходу Горбачева у нас произойдет свое экономическое чудо, и дипломаты-прагматики, шаг за шагом продвигавшиеся по льду холодной войны ради достижения маленьких целей, которые со временем вырастут в более крупные, и чудачки, очарованные немецкие странники, не облеченные никакими обязанностями и готовые отдать последний пфенниг, чтобы только подольше пожить в России и понаслаждаться общением с русскими, русским искусством, и милые прожектеры, обещавшие золотые горы, что-то вечно писавшие в блокноты и забывавшие о своих прожектах тотчас после возвра-

щения на родину, исследователи, которые гораздо больше знали и понимали происходящее здесь, чем там, то есть у себя на родине. Каждого из них я люблю и ценю по-своему.

Но ты, Карл, как-то не вписываешься в эту схему – никогда не был преисполнен иллюзиями быстрой победы демократии в России, никогда не следовал концепции скромных шагов и малых дел, никогда не занимался пустым трепом, никогда не был похож на чудака, ослепленного любовью к России-матушке, готового в шапке-ушанке отправиться куда-то в Сибирь и жить там месяц впроголодь, да и про Россию и Германии всегда понимал в равной степени много. Для всех вышеперечисленных схематических разрядов русофилов ты – слишком широкая натура, слишком яркий феномен, чуждый в то же время всякой помпезной репрезентативности. Если попробовать поиграть на семантике его фамилии, то можно было бы сказать: его душевная емкость (Eimer) всегда была полным-полна тихой, кристально чистой, всегда готовой щедро выплеснуться водицы.

Перебираю в памяти все, что нас соединило и соединяет, и сердце переполняется теплотой, радостью и чувством огромной благодарности.

Мы познакомились во время публичной дискуссии о великих русских реалистах во время IV-х «Дуйсбургских акцентов» (1980) на одноименную тему. Так получилось, что мы, небольшая группа «советских искусствоведов», выезжали вместе со МХАТом, с тогда еще живыми Ефремовым, Смоктуновским, Степановой, и дискуссии шли в основном вокруг Чехова. Помню восторг первой встречи, помню, как мои

© Photo Willa Waldberta, Feldafing.

старшие коллеги сторонились одного встретившегося нам русского диссидента. Ты привез из Бохума группу своих чеховедов (Карлу Хильшер, ее мужа), один раз мы дискутировали на публике, другой раз – на симпозиуме, где высказывалось много противоположных, хлестких, идеологически заостренных суждений. «Карлова школа» покорила всех нас тонкостью, непредвзятостью мнений, жадой общения. Сам ты, молодой, вихрастый, не производил впечатления лидера, но к твоему ровному, проникновенному, бархатному голосу прислушивались все, ты сумел превратить дискуссию из напрашивающейся идеологической стычки в эстетический дискурс.

Тогда же я впервые побывал у тебя в Бохуме в университете. Ты знал, куда привести homo soveticus, а – в библиотеку, где показал каталог и преду-

смотрительно оставил одного на несколько часов. Скольких усилий стоило меня оторвать от стопок «Континента»! Я наивно попросил что-то ксерокопировать, чтобы увезти с собой... Из последовавшей долгой паузы и шутливого замечания «А кто будет за все это отвечать» я понял, что есть пределы возможному и что ты, совершенно не соответствовавший облику идеологического «соблазнителя», лучше меня разбираешься во всем, что можно и что нельзя.

Мы сдружились мгновенно и совершенно незаметно. Когда мне доводилось бывать по театральным делам в ФРГ – да, так это тогда называлось, слова «Германия» не произносил почти никто, – ты предусмотрительно звонил мне сам, и мы разговаривали часа по два – по три, обсуждая все на свете, и, конечно, планы возможного сотрудничества. Так было потом и во время твоих приездов в Россию, так продолжается и по сей день. Великолепный собеседник и спорщик, всегда исполненный спокойствия, ты всегда аргументируешь взвешенно, аргументировано, как истинный историк, как человек компетентный, мудрый, страстно заинтересованный в достижении истины, приемлемой как можно большим сообществом.

Меня всегда поражала легкость, с которой ты, человек предельно загруженный, больше преданный Клио, чем Мельпомене, увлекался моим любимым Мейерхольдом, срывался на походы в театр, которые я, лишней встречи ради, предлагал, скажем, в Мюльхайм к Роберто Чули, – ну, не каждый раз, но когда ты приходил, круг участников беседы становился все шире и шире. Когда же тебя не было, было довольно скучно.

В 1997 году на волне большой выставки «Москва–Берлин–Москва» вышла моя архивная книга «Верните мне свободу!» о жертвах сталинских репрессий, которая мне много стоила. Я тяжело выходил из кризиса, и друзья устроили мне ряд лекций, чтобы поддержать меня – ты был первым, по-настоящему мог оценить огромный труд, который представляла собой работа в архивах, и КГБ–ФСБ в особенности. Эти бохумские дискуссии мне никогда не забыть, они, можно сказать, поставили меня ноги и свели меня с моим немецким читателем, о котором я и не подозревал. Ты параллельно вел свои поиски, обобщенные в позднейших сборниках, которые были на уровне яковлевских – но ведь не будем забывать, что А.Н. Яковлев получал свои документы, так сказать, из прямых рук, а тебе они доставались кровью и потом. Как-то я пожаловался тебе, что целый год не могу найти спонсора для издания очередной книги, последовал вопрос: «Интересно, господин проситель, сколько ты писем написал?» Я ответил: «Три». Ты улыбнулся и со свойственной философической меланхолией (или, быть может, романтической иронией) заметил: «А я вот пишу двадцать, и, может быть, двадцать первое срabатывает». С тех пор я и следую этому рецепту, и он срabатывает!

Меня мучила мысль – как бы свести застенчивого и умного бохумского профессора с моим институтским начальством и осуществить какой-нибудь совместный проект. Каково же было разочарование – одно лишь предложение привести в институт на несанкционированную свyше встречу западногерманского коллегу вызвала у моей директрисы такой при-

ступ гнева и раздражения, что мне пришлось тотчас ретироваться из кабинета.

К счастью, мечтам о сотрудничестве все же удалось осуществиться, когда для ученых настало Время Перемен (или, выражаясь твоим метаязыком, смены Красных Носков на Пустые Кошельки), и сейчас уже перед глазами немецких читателей лежит продолжение копелевского проекта, прекрасный трехтомник исторических статей о трагическом русско-немецком стяжении в XX веке, в котором приняли участие и мои коллеги-искусствоведы, команда, которую ты поручил мне набрать.

Работа над трехтомником и каждой отдельной статьей шла по методу семинаров – их вел и ты сам, и твои русские и немецкие помощники. Этой роскоши не мог себе позволить даже Копелев (просто ему уже возраст не позволял вести тот образ жизни члена, который вел ты). Некоторые исследователи были настолько увлечены, что посылали огромные письма со своими концепционными соображениями. Возникла атмосфера здоровой конкуренции, не все статьи были опубликованы, но работа всех без исключения была оплачена, а тот, кто хотел продолжать оставаться ученым в России новых русских, знает, что означала эта поддержка.

Лотмановский институт по изучению русской культуры в Бохуме – главное твоё детище. Стоит только познакомиться с кругом занятий и проектами сотрудников, чтобы понять, насколько глубок и широк был замысел, насколько перспективна методика исследований, и всему этому стоит поучиться. Однажды я углубился в чтение и рассматривание CD-книги кол-

леги Карла Вашика о русском плакате (а таких изданий уже множество) и ужаснулся тому, на каком допотопном уровне находится оформление исследований в нашем искусствоведении. Изобретен по существу новый тип, жанр аудиовизуально-искусствоведческого энциклопедического исследования, позволяющего поставленную проблему *а u s l ö t e n* до конца, во множестве аспектов – теоретическом, документально-историческом, семиотическом, живописно-киноведческом.

Своим изучением запретных для русского литературоведения и искусствознания зон (скульптура Сидура, живопись нонконфирмистов, документы политической цензуры) ты вытащил на поверхность и легализовал целые сферы занятий, к которым лишь робко подступали наши интеллектуалы-диссиденты и что впоследствии «при свободе» стало у нас просто модным занятием. Трудно вообще выразить на словах, сколько сделал ты в деле изучения и интерпретации русской и русской советской культуры как особого феномена, какие различные сферы удалось объять в исследованиях и какой толчок дал ты своим присутствием в России встречному движению в годы «холодной войны», сколько значило твоё дружеское участие и непосредственная помощь (мнениями ли, книгами ли, прямой ли финансовой поддержкой или поддержкой лекарствами).

Во всех крупных фигурах немцев-русофилов, посвятившим себя служению России – будь-то доктор Фридрих Гааз, будь-то Карл Август Варнхаген, будь-то Херварт Вальден – бил ключом инстинкт подвижничества и передачи личного своего человеческого опыта и опыта своей культуры носителям другой

культуры, родственной по духу, но отстающей, так сказать, по концентрации образованности и интеллигентности на душу населения и на квадратный метр площади. Я думаю, наш предельно скромный Карл воспротивится этой параллели, но факт остается фактом – ты давно вошел в историю русской культуры, один из немногих, кто, по выражению создателя Сан Суси, «знает Россию, как Верней – человеческое тело».

Тебя отличают специфическая ирония историка и тонкое чувство юмора, которые таким азартным эхом отзываются в твоей графике (до поры до времени скрываемой им от публики). Пусть эти защитные свойства природы помогут справиться с собой в трудную минуту жизни!

Sei gegrüßt!

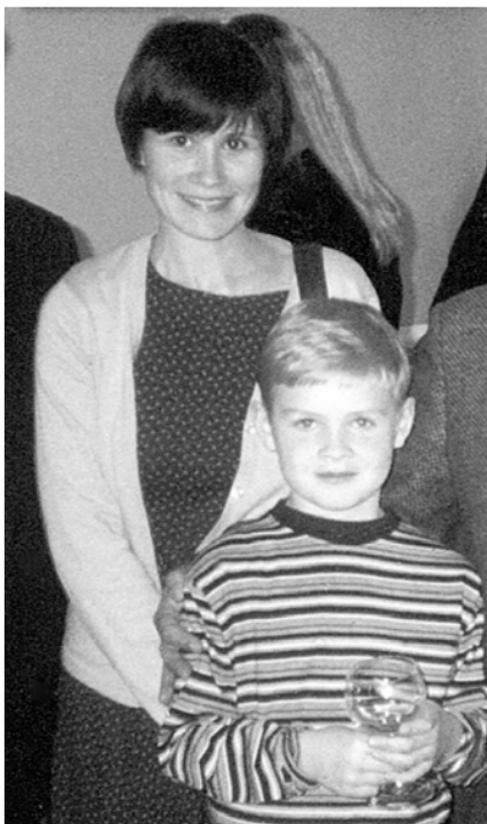
Моя семиотика Карла

Сначала были сандалии. Это потом я заметила ... Спиджак, лохматую голову, внимательный взгляд и прочее, а сначала все-таки были сандалии. На босу ногу. Шепотом – Марии Браукхоф: «Кто это?» – «Профессор Аймермахер». – «Чудной какой-то». – «О! Он классный». Бохум, 1992 год, мое первое культурное потрясение от встречи с уважаемой университетской Германией. (Вторым, к слову сказать, были аплодисменты: почему-то, хлопая докладчику, немцы не соединяют ладоши, а стучат по столу – сглазить, что ли, бояться? Но это уже к Карлу не относится.)

...Носки, впрочем, тоже были. Но – отдельно. Красные. Выставка рисунков Карла под названием «Красные носки». Это уже в Москве, уже Даня, ему лет семь. Осмотрел все рисунки (их было штук двести) очень обстоятельно, выбрал понравившийся (№13, «Агитаторша»), оставил запись в книге отзывов. Выяснил у Карла, почему носки – красные и что такое семиотика. Все понял.

...Еще был металл. Серебристо-белый, одновременно податливый и непослушный, как шевелюра Карла. Крученые проволочки от шампанского, пре-

вращающиеся в ловких пальцах в мультяшных человечков; женские формы, составленные из блестящей и выпуклой кухонной утвари; отшлифованные пластинки «самолетного» алюминия, которые, как их не крути, все время стремятся обрести крылья... Даня в мастерской Карла. Старательно «шкурит» алюминиевые пластинки, учится резать из них «скульптуры». «У твоей собаки нет головы». – «А почему форма должна быть законченной?».

Ирина Давидян
и Даниил Бордюгов

...В «мире» Аймермахера наш сын Даня вообще очень скоро стал главным знаком и смыслом нашей семьи. Пример тому – эпизод с Юлей. Юля – Юлия Львовна Сидур, вдова художника, близкий друг и почти родственница Карла. Ее квартира на Киевской многие годы была домом Аймермахера и его близких в Москве. Как-то приезжаю, то ли что-то забрать, то ли передать – уже не помню. Дверь открывает Катя, в ту пору – жена Давида, сына Гизелы. «Кто там пришел?» – слышу голос Юли откуда-то из глубины квартиры. – «Это Ира». – «Это какая Ира?» – «Мама Дани». – «А, мама Дани». Стопроцентная идентификация.

...И еще почему-то птицы. Не птицы счастья, не птицы мира – другие. Дикие, странные. Fasanenstrasse. Летящая утка на кармане рубашки Карла. «Это какой-то фирменный знак?» – «Да нет, жена вышила, дырку закрыть». Странные птицы, странники...

Из разговора с Даней: «Как ты представляешь себе Карла?» – «Он трансцендентный». Лукавлю, конечно, термин мой, а Даня сказал: «Он человек, выходящий за грани».

*Письмо одиннадцатое –
Алана Касаева*

Памятник без постамента

Дорогой Карл, мы встречаемся редко, но удивительное обаяние нашего общения хранится в моей памяти долго.

Хочу напомнить только об одном эпизоде наших добрых отношений. В начале 2000-х годов, после длительной работы в «Независимой газете», я возглавил редакцию общественно-политического журнала «Новая модель». И для меня крайне важной оказалась твоя поддержка, особенно предупреждение о том, что, конечно, «Новая модель – это звучит смело!», особенно в искусстве, где на каждом шагу пропагандируют новые формы, подходы, направления, но сама по себе манифестация нового – ещё не новаторство и часто вызывает только мнимый интерес, как недолговечное модное явление. А для истинно нового, как ты писал, важно другое: обладают ли формы искусства подлинной свежестью, рождаются ли они у художника как произвольная необходимость, не учитывающая традиционных норм.

Я попросил тебя рассказать читателям «Новой модели» о германском взгляде на современное российское искусство, но ты выбрал лишь один фрагмент этой большой темы – «Памятник без постамента».

Это был интересный и многозначачий анализ того, почему только в Москве можно заметить соперничество в поиске определения, что такое «современное искусство». И хотя именно в русской культуре авангардное искусство имело первостепенное значение, в ней всё ещё преобладают преемственные скульптуры XIX века, пусть и с некоторыми модификациями. Поэтому для такого типа памятников обязателен постамент.

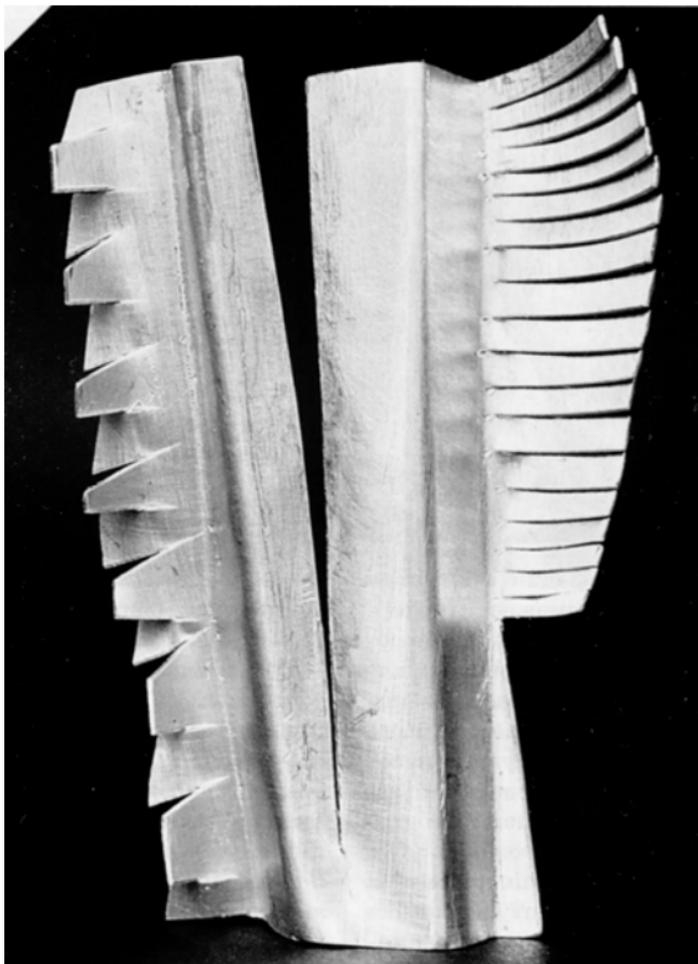
Ты обратил внимание читателей на другой тип – памятник без постамента, который существовал только в непубличной культуре андеграунда и до сих пор, образно говоря, не появился на поверхности. Исключение – памятники Вадима Сидура, включая его портреты знаменитых учёных – Альберта Эйнштейна и московского астрофизика Виталия Гинзбурга.

Однако больше всего меня поразил – об этом, увы, не все знают, – твой собственный вариант скульптурного изображения Иосифа Бродского. Я опубликовал его в журнале, и это позволило читателям увидеть, как можно отказаться от открытой фигуративности, чтобы подчеркнуть не внешние черты, а те аспекты, которые связаны с драматическим усилением ассоциаций эмоциональных, творческих и культурно-политических в жизни Бродского.

Дальше мне лучше дословно привести твоё описание памятника, которое, как мне кажется, крайне интересно само по себе, даже если этот проект никогда не будет воплощён в Москве.

«...При попытке раскрыть сущность бытия Бродского возникает целый клубок переплетений и перекличек неопределённых формальных признаков и их символизаций. Например, крылья (по бокам), открывающиеся или закрывающиеся, намекают на такие элементы творческого процесса, как одухотворённость, повышенная чувствительность, и в то же самое время на относительную прикованность к земле – как обратную сторону поэтических взлётов. Одновременно укороченные крылья порождают и совсем другие ассоциации: насильственное воздействие государственных и судебных органов и цензуры, явное политическое ограничение творческих возможностей. Кроме того, те же крылья, исполненные как будто из колючей проволоки, превращаются в оружие самозащиты поэта от его противников, а раздвоенность «фигуры» олицетворяет в ассоциативном поле разные внутренние состояния творца, его положение между официальной

и альтернативной культурой андерграунда и к тому же символизируют человека, который живёт в разных мирах, на разных континентах, в разных культурных традициях».

Памятник Иосифу Бродскому – памятник без постамента, памятник не фигуре, а личности.

Ты спросил тогда наших читателей и коллег по искусству, а что мешает в России поискам и нахождению новых принципов для создания искусства XXI века? Не пора ли подумать о новой модели скульптурного искусства, чтобы преодолеть чувство отставания от мировой культуры? Я благодарен тебе за этот вопрос. Уверен, что ответ обязательно последует.

*Письмо последнее –
Татьяны Филипповой*

Заклинание, которое делает нас ближе

Милостивый государь,
Любезнейший Карл Куртович!

Позвольте мне на манер русской литературной традиции, как и полагается Татьянам, написать «к Вам», дабы выразить, что меня переполняет. Согласитесь, юбилей – повод достойный для возобновления переписки между мужчиной и женщиной, коих связывает не только сладкий грех (совместной работы) но и его законное дитя (спецвыпуск журнала «Родина»). Уверена, и Вы в своём берлинском далеке подчас вспоминаете наши короткие, но бурные встречи в Бохуме и Москве. Тогда, с присушим Вам красноречием и напором, вы убеждали меня «переосмыслить прошлое», «преодолеть стереотипы и образ врага», «дать ответ на вызов новых общественно-политических и художественных проектов», смелее решаться синтезировать «в своём сознании личные переживания и историческое знание». Воля Ваша – я решила, я синтезировала...

Я преодолела сопротивление косной материи чиновного администрирования, убедила коллег и завоевала единомышленников, прониклась Вашей творческой иступлённостью и распространила её на весь

коллектив нашего богоспасаемого Журнала. А вы? Вы были непреклонны: работы, работы и ещё раз работы требовали Вы от всех нас, Ваших московских адептов и соратников. Ах, как Вы были строги и требовательны! Как придирчиво строили наше сотрудниче-

ство, как недоверчивы были к нашему радению, как внезапно и грозно Вы подвергали проверке наш скорбный труд!.. Но мы не держали на Вас обиды, понимая, что столь же *беспощадно* Вы относились и к себе, и к интеллектуальным объектам Вашего научного анализа, предлагая читателю *беспощадную правду* истории.

ПРИНИМАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОШЛОЕ

Карл АЙМЕРМАХЕР,
профессор Института русской и советской культуры
им. Ю. М. Лотмана Рурского университета (Бохум)

Геннадий БОРДЮГОВ,
руководитель исследовательских проектов
и издательских программ Ассоциации
исследователей российского общества XX века (Москва)

ОБРАЩАЯСЬ К СОВЕСТИ

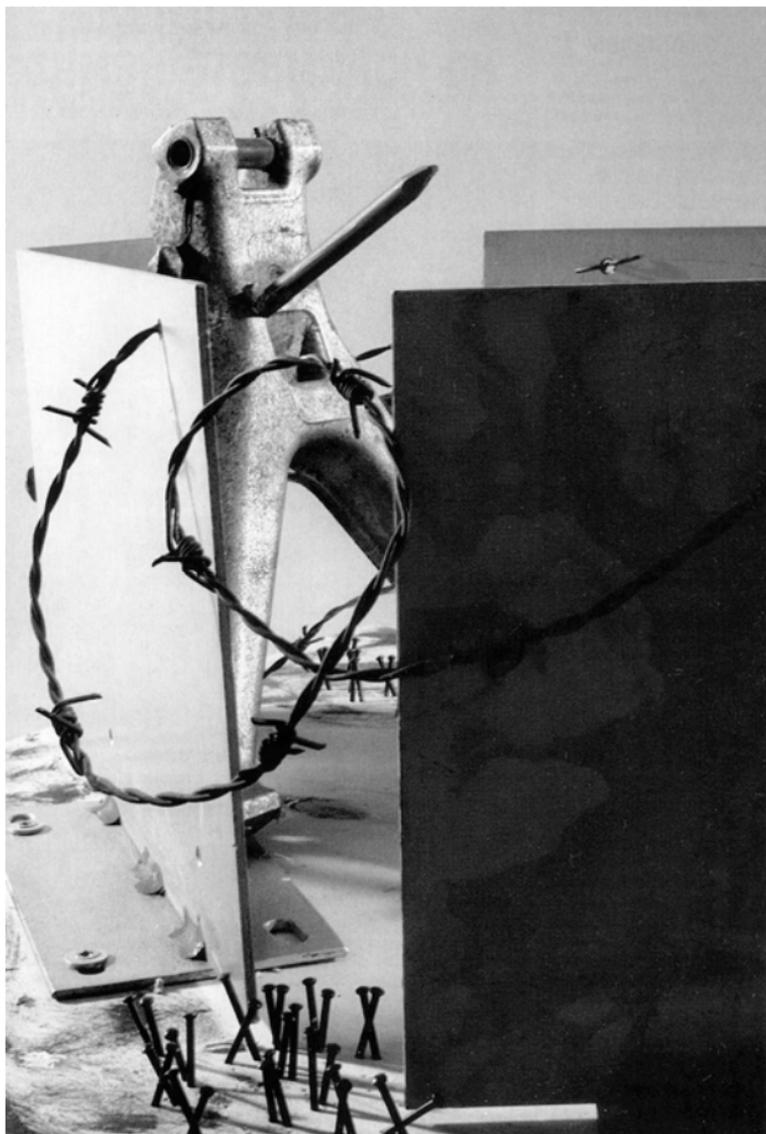
Владимир ДОЛМАТОВ,
главный редактор журнала «Родина»

Татьяна ФИЛИПОВА,
ведущий редактор спецномера

И что в итоге?

... Я помню ту московскую осень 2002 года от Рождества Христова. Оно появилось на свет, наше трудное и долгожданное дитя. Вы не отрелись от него, хоть многие и выражали им свое вельможное удовольствие. Более того, по заведённой в Ваших краях традиции Вы добились представления его в высшем свете – сам германский посланник Высочайше изволил принять его в своей резиденции. И презентация удалась на славу: голоса недоброжелателей

Из серии «Экскурсии в XX век» / Лобное место.

Из серии «Экспурсии в XX век» / Война и мир (фрагмент «Мир»).

и завистников смолкли, а наше совместное произведение начало свой путь к сердцам и умам тех, кому интересно и дорого наше «совместное прошлое».

Но, знаете ли, странная вещь: тот наш проект, многокрасочно отпечатавшийся на страницах журнала, вызывает только крайние эмоции. Не ведая к себе прохладного отношения, он или принимается полностью, или отвергается с порога. Это ли не признак того, что он состоялся как научный и художественный факт?

Что ждало нас после, в постпроектной реальности дальнейшей работы? Вы – завершали свой Копелевский проект, который отныне выглядит как старший, уважаемый брат нашего с Вами неформально-яркого «родинского» издания. Я (каюсь!) – по редакционной неволе изменяла Вам с другими проектами,

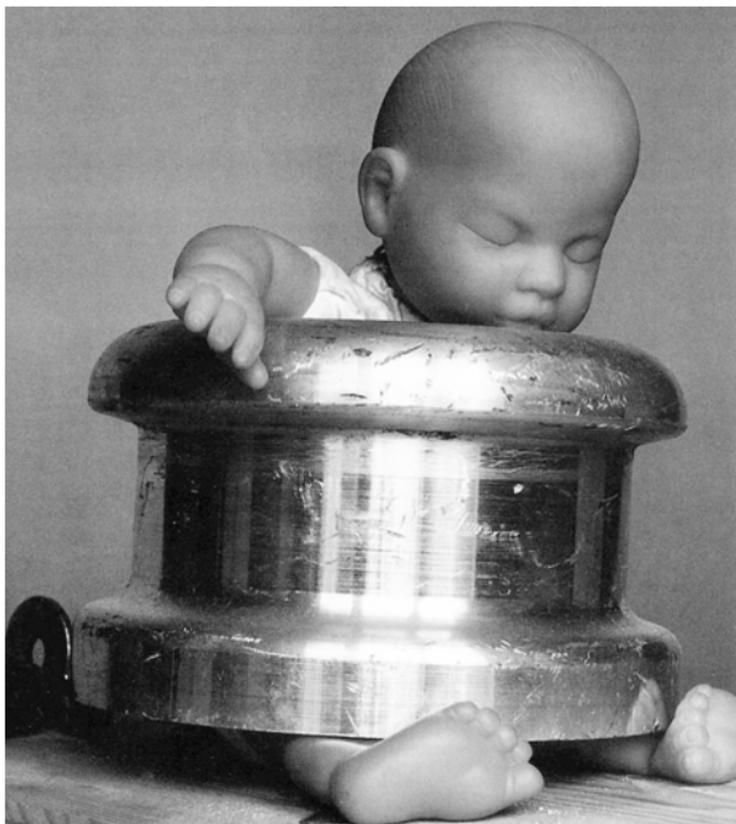
идеями и заказчиками. (Возможно, оттого Вы и храните молчание, не жалуя меня своими письмами вот уже пару лет?) Но главное, приобретённое в сотрудничестве с Вами, осталось со мной и со всеми Вашими друзьями из журнала «Родина».

За время совместной работы мы все открыли для себя неожиданные, глубокие пласты взаимного восприятия немцами и русскими друг друга, мы научились лучше слушать и слышать, на деле практикуя этику диалога в самых спорных научных и творческих ситуациях. Мы вместе старались преодолевать то, что Вы называете «историографическим манипулированием и мифотворчеством». На этом пути нам в помощь были многие факторы взаимной приязни и профессионального интереса. Интеллектуальная открытость немецких руководителей и участников Вуппертальского проекта, глубокие исследовательские разработки Института Лотмана Рурского университета в Бохуме, научно-организационная поддержка коллег из АИРО-XX, равнодушие всего авторского коллектива к общему делу при толерантном отношении к вторжению редакторского «скальпеля» – всё это помогло редакции журнала «Родина» в рекордные сроки подготовить и издать наш совместный номер.

Наверное, самым спорным в читательском восприятии нашего издания стал тот иллюстративный ряд, который вы предложили, став, по сути, монохудожником совместного номера. Пафос Вашей идеи состоял в том, чтобы изображение перестало быть «фоном» или «прямой иллюстрацией», превращаясь в действующее лицо проблемы, помогая перебороть тенденцию современной культуры, делающей «чело-

веческое начало маргинальным». Травмирующая жёсткость красок и форм ваших авторских инсталляций в сочетании с чёрно-белой фотографией военного времени не могли не шокировать зрителя. Но художественно они работали на тот нравственный катарсис, который самой идеей проекта призван был преодолеть реальную жестокость и антигуманность нашего исторического «совместного прошлого».

Из серии «Экскурсии в XX век» / Инвалид.

«Старая любовь не ржавеет», – гласит народная мудрость. Особенно, когда она остра и очевидна, как золлингеновская сталь. На исторической «Родине» Вас любят и хорошо помнят, что в трудный момент Вы помогли нам не только платонически.

... Как-то в бытность Вашу в Москве Вы подарили мне на день рождения большой круглый аквариум, на дне которого в воздушной пустоте стекла рос крошечный колючий кактус, сердито бросая вызов совершенству гладкой округлости прозрачной поверхности. Сопроводили свой подарок Вы ироничным пожеланием чаще задумываться над диалектикой формы и содержания. Вольно Вам было так шутить! Я же со свойственной россиянкам серьёзностью принялась осуществлять Ваше пожелание на деле. В итоге подросший и размножившийся кактус попирает своей содержательной телесностью любую занимаемую им форму, а сам аквариум в оправдание своей изначальной функции наполнился морскими раковинами, намекающими на логическую связь со стихией воды...

«Текст, знак, культура», – повторяю я долгими московскими вечерами Вашу любимую исследовательскую мантру. Это заклинание делает Вас ближе. И я снова верю, что (вопреки расстоянию, профессиональной замороченности и шенгенским преградам) мы вырвемся из плена повседневности и сольёмся в творческом экстазе нового проекта!

Здоровья Вам, творческого долголетия и «дай Вам Бог любимым быть другим» творческим коллективом столь же искренне, как это делает команда богоспасаемого журнала «Родина»!

Остаюсь неизменно Ваша поклонница,
(в миру – шеф-редактор Российского исторического журнала «Родина»),

Татьяна.

Сведения об авторах

Бордюгов Геннадий – кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель научных проектов АИРО-XXI

Борозняк Александр – доктор исторических наук, заведующий кафедрой, профессор Липецкого государственного педагогического университета

Гениева Екатерина – доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Горяева Татьяна – доктор исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства

Давидян Ирина – научный сотрудник АИРО-XXI, переводчик

Касаев Алан – кандидат исторических наук, директор Главной редакции по странам СНГ и Балтии Российского информационного агентства «Новости»

Колязин Владимир – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

Орлова Мария – научный сотрудник

Прозуменщиков Михаил – кандидат исторических наук, зам. директора Российского государственного архива новейшей истории

Смехов Вениамин – актёр, режиссёр, писатель

Соколов Борис – доктор филологических наук, профессор Российского государственного социального университета

Томилина Наталия – директор Российского государственного архива новейшей истории

Филиппова Татьяна – кандидат исторических наук, зам. главного редактора Российского исторического журнала «Родина»

**Издания АИРО,
вышедшие при участии или под редакцией
профессора Карла Аймермахера**

- Советская военная администрация в Германии (СВАГ):
Управление пропаганды и С.И. Тюльпанов. 1945–
1949. М., 1994.
- Дирк Кречмар. Политика и культура при Брежневе,
Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997.
- Карл Аймермахер. Политика и культура при Ленине
и Сталине. 1917–1932 гг. М., 1998.
- Вольфрам Эггелинг. Политика и культура при Хру-
щеве и Брежневе. 1953–1970 гг. М., 1999.
- «Свое» и «чужое» прошлое, или Поиск новых иден-
тичностей в постсоветских государствах. Материа-
лы обсуждения на Международной конференции
15–16 сентября 1998 г. Серия «АИРО – научные
доклады и дискуссии. Темы для XXI века».
Вып. 1. М., 1999.
- Вадим Сидур. Лёгким пером. М., 1999.
- Национальные истории в советском и постсоветских
государствах. М., 1999.
- Национальные истории в революциях и конфликтах
советской эпохи. Серия «АИРО – научные доклады
и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. М., 1999.
- Мифы и мифология в современной России. Сб. ста-
тей. М., 2000.

- Новые концепции российских учебников по истории. Материалы дискуссии на Международной научной конференции, ноябрь 1999 г., Бохум. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 13. М., 2001.
- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. Библиотека либерального чтения. Вып. 11. М., 2002.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. Сб. статей. М., 2002.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции. Форум немецких и российских исследователей. М., 2002.
- Образ России и стран Балтии в учебниках истории. Библиотека либерального чтения. Вып. 13. М., 2002.
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003.
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. М., 2003.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М., 2007.

Издания АИРО в 2007 году

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина /Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В. Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер. – М., 2007. («АИРО – первая публикация»).

Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева (совместно с «АСТ»).

Николай Андреев. Первые стихи.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова (совместно с ТПП РФ).

DANKE,
ПРОФЕССОР АЙМЕРМАХЕР
12 писем из России

Составители
Геннадий БОРДЮГОВ, Татьяна ГОРЯЕВА

Художественное оформление, дизайн
Сергей Щербина

Подписано в печать с оригинал-макета 08.12.2007
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Усл. печ. л. 8

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: airo@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>